

ВКУС ЗАБВЕНИЯ
ДАНИИЛ ВАРОВ

Даниил QyvirKot Варов

Вкус Забвения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72607876

SelfPub; 2025

Аннотация

Что, если прошлое можно попробовать на вкус?

Для Эдгара Лакруа, гениального шеф-повара и «кулинарного археолога», это не метафора, а проклятие. Обладая уникальным даром чувствовать историю через вкус и аромат, он получает предложение, от которого невозможно отказаться: создать эксклюзивное меню для старинного особняка Эвермор. Но стены древнего поместья хранят не только рецепты. Они пропитаны вкусом вековой трагедии, отголосками запретной любви, ревности и жестокого убийства.

Содержание

Глава 1 Оттенки Вкуса и Тайные Запахи	4
Глава 2 Приглашение из Забытой Эпохи	16
Глава 3 Дыхание Призрачных Стен	30
Глава 4 Медь, Запах Пыли и Пробуждение Дара	42
Глава 5 Рецепты Забытого Страх	54
Глава 6 Шепот Каменных Призраков	64
Глава 7 Ингредиенты Искаженного Прошлого	76
Глава 8 Проклятие Кухонного Очага	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Даниил Варов

Вкус Забвения

Это вторая, полностью переработанная версия романа «Вкус Забвения». Первая рукопись не прошла в шорт-лист одного конкурса, и перечитав ее спустя время, я понял почему. Мне захотелось рассказать эту историю заново – глубже, мрачнее и от первого лица, чтобы вы смогли почувствовать вкус этого проклятого места вместе с главным героем. Надеюсь, у меня получилось.

Глава 1 Оттенки Вкуса и Тайные Запахи

Туман в тот день был густым и маслянистым, как плохо приготовленный консоме. Он просачивался в щели оконных рам моего ресторана, «Аромат Забытых Эпох», и оседал на бархате портьер едва уловимой влажной горечью. Я стоял у плиты, в своем белоснежном кителе, который казался единственным островком порядка в этом размытом, сером мире, и наблюдал, как на медном сотейнике медленно карамелизуется сахар для десерта по рецепту 1788 года. Каждый пузырек, лопаясь, высвобождал микроскопический вздох прошлого. Для моих клиентов это был просто сложный, изыс-

канный аромат. Для меня – нечто большее.

Я всегда был одержим кулинарной археологией. Воссоздание блюд, которые не пробовал никто из ныне живущих, было моей страстью, моим наркотиком. Я мог часами изучать старинные поваренные книги, анализируя почерк, чтобы понять настроение автора, разглядывая пятна от жира и вина на страницах, чтобы угадать, какие ингредиенты были под рукой. Но в последнее время эта одержимость приобрела странный, тревожный оттенок. Недавно, дегустируя херес из бочки, заложеной еще до Наполеоновских войн, я ощутил на языке не только ноты ореха и сухофруктов, но и отчетливую, пронзительную тоску. Тоску старого бондаря, прощавшегося с сыном, уходившим на войну. Я тогда списал это на разыгравшееся воображение, на профессиональную деформацию. Мой разум, привыкший к точности граммов и выверенности температур, отчаянно цеплялся за логику. Но эти «отголоски», как я их прозвал, становились все настойчивее.

Сегодняшний десерт, «Вздых Королевы», требовал особого ингредиента – шафрана, привезенного из поместья, которое поставляло его еще ко двору Людовика XVI. Тычинки, хрупкие, как крылья мотылька, хранились в маленькой оловянной коробочке, тусклой от времени. Я открыл ее, и воздух наполнился не просто ароматом, а целой симфонией: мед, сухая трава, металл и что-то еще... что-то похожее на страх. Я взял одну-единственную ниточку пинцетом и, повинаясь внезапному импульсу, положил ее на язык.

Мир качнулся.

Кухня не исчезла, но она подернулась дымкой, стала прозрачной, как акварельный набросок. Сквозь стальные поверхности проступили очертания другой комнаты – каменные стены, тусклый свет свечей, огромный очаг. Я ощутил на своих плечах тяжесть парчового платья, а в ноздрях – запах пудры и пота. Вкус на языке взорвался не шафраном, а отчаянием. Отчаянием молодой женщины, Антуанетты, готовящей это лакомство для своего мужа, короля, в тщетной попытке отвлечь его от новостей, что доносились с парижских улиц, – новостей о голоде, гневе и приближающейся гильотине. Вкус был сладким, но под этой сладостью скрывалась ядовитая горечь предчувствия. Я чувствовал, как дрожат ее пальцы, как колотится ее сердце в корсете. Я был ею.

Я отшатнулся, выронив пинцет. Звон металла вернул меня в реальность. Кухня вновь обрела плотность, видение исчезло, но фантомный вкус – вкус страха, смешанного с сахаром, – еще долго жег мне язык. Я тяжело дышал, опираясь на столешницу. Это было уже не «богатое послевкусие». Это было вторжение. Чужая жизнь, чужая агония ворвалась в меня через крошечную тычинку шафрана.

Именно в этот момент в зал ресторана вошел человек, чье появление было столь же неуместным, как ледяной сквозняк у раскаленной печи. Он был одет в строгий, идеально скроенный, но совершенно несовременный твидовый костюм. Сухой, как гербарий, с лицом, похожим на старый пер-

гамент, и глазами, в которых, казалось, отражался свет газовых фонарей, а не светодиодных ламп. Он проигнорировал моего метрдотеля и прошел прямо на кухню, что было грубейшим нарушением всех правил.

– Месье Эдгар Лакруа? – его голос был сухим, как шелест осенних листьев.

Я кивнул, все еще пытаюсь унять дрожь.

– Меня зовут мистер Финч. Я поверенный. Я принес вам письмо.

Он протянул мне тяжелый конверт из плотной, пожелтевшей бумаги. Печать из сургуча была нетронута, и на ней я с трудом различил герб: ворон, держащий в клюве ключ. Запах конверта ударил в нос – пыль, воск и еще что-то тонкое, неуловимое. Запах забвения.

– Что это? – спросил я.

– Наследство, – ответил мистер Финч без тени эмоции. – От вашего двоюродного прадеда, о существовании которого вы, смею предположить, не догадывались. Аларик Вейнрайт.

Имя ничего мне не говорило. Я был сиротой, вся моя родословная умещалась на одной странице свидетельства о рождении.

Я вскрыл конверт. Внутри, помимо юридических документов, исписанных каллиграфическим почерком, лежал один-единственный, массивный железный ключ. От него исходил тот же странный, холодный запах. В письме говорилось, что я являюсь единственным наследником поместья

«Эвермор» и всего его содержимого. Поместье находилось в нескольких часах езды от города, в местности, которую на картах обозначали как «Пустоши Теней».

– Я не понимаю, – пробормотал я, перечитывая строки. – Почему я?

– Воля покойного, – мистер Финч пожал плечами. – Он оставил строгие инструкции. Наследство переходит к вам при одном условии: вы должны лично прожить в особняке не менее одного года. Продавать, сдавать в аренду или покидать его на срок более недели запрещено. В противном случае все перейдет в собственность некоего «Общества Хранителей».

Это походило на дурную шутку. Оставить свой ресторан, свою жизнь, ради старого дома, завещанного призраком из прошлого? Бред. Но ключ в моей руке казался тяжелее, чем просто кусок металла. Он был холодным, и этот холод проникал, казалось, до самых костей. Я посмотрел на мистера Финча. В его бесцветных глазах не было ни любопытства, ни сочувствия. Он был лишь функцией, вестником.

– Я должен подумать.

– Подумайте, – согласился он. – Но я бы советовал поторопиться. Такие места, как «Эвермор», не любят ждать. Они... скучают.

С этими словами он развернулся и вышел, оставив меня одного с письмом, ключом и привкусом чужого страха на языке.

Неделю я пытался жить как прежде. Я готовил, управлял рестораном, дегустировал вина. Но все изменилось. Теперь каждый старый продукт, каждый антикварный столовый прибор был для меня не артефактом, а миной замедленного действия. Я боялся прикоснуться к серебряной вилке XVIII века, опасаясь почувствовать голод ее первого владельца. Я избегал нюхать трюфели из старого дубового ящика, страшаясь вдохнуть отчаяние крестьянина, который их нашел. Мой дар, моя уникальная чувствительность, превратилась в проклятие. Мир вкусов и запахов, бывший моей вселенной, стал полем битвы чужих воспоминаний.

В конце концов, я сдался. Ресторан я оставил на своего су-шефа, талантливого, но лишённого моей... особенности парня. Собрав небольшой чемодан, я сел в машину. Ключ от «Эвермора» лежал на пассажирском сиденье, и мне казалось, что вся машина пропиталась его странным запахом – запахом пыли, холода и ожидания.

Дорога к Пустошам Теней была похожа на путешествие во времени. Современные шоссе сменились узкими проселочными дорогами, леса становились все гуще и темнее, а мобильная связь пропала задолго до того, как я увидел указатель. «ЭВЕРМОР. ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Кованые ворота, заржавевшие и обвитые мертвым плющом, поддались нехотя, со скрипом, похожим на стон. За ними начиналась подъездная аллея, заросшая настолько, что

ветви старых, больных на вид деревьев сплетались над головой, образуя темный тоннель. А в конце этого тоннеля стоял он. Дом.

Особняк «Эвермор» не был просто старым. Он был древним, и его архитектура бросала вызов логике. Готические шпили соседствовали с тяжеловесными викторианскими эркерами, а одно крыло, казалось, было построено из камня, который был старше самого понятия «архитектура». Асимметрия, что резала глаз, создавала ощущение, будто дом постоянно движется, перестраивается на невидимом, внутреннем уровне. Огромное витражное окно над центральным входом, изображавшее того самого ворона с ключом, потускнело от времени и грязи, напоминая подслеповатый, затянутый катарактой глаз циклопа. Дом не стоял на земле – он врос в нее, как гигантский гриб, выросший на костях чего-то давно умершего. От него исходила не просто аура запустения, а ощущение осознанной, злонамеренной воли. Это было то самое «намерение», «Воля Места», о которой я читал в эзотерических книгах, но никогда не верил в ее существование.

Я заглушил мотор. Тишина, что обрушилась на меня, была абсолютной, давящей. Она была тяжелее любого звука. Я вышел из машины, и под ногами хрустнул гравий. Воздух был плотным, насыщенным запахами влажной земли, гниющей листвы и камня. И снова тот, третий, неуловимый компонент – запах пыли, которая была не просто пылью. Это

была декомпозиция времени, перемолотые в прах секунды, жизни, эпохи.

Ключ в замке массивной дубовой двери повернулся с сухим щелчком, который эхом отозвался в моем черепе. Я толкнул дверь. Она открылась без скрипа, впустив меня в полумрак огромного холла.

Воздух внутри был еще плотнее, спертый, но при этом странно... живой. Он был соткан из мириадом запахов, которые наслоились друг на друга за столетия. Запах пчелиного воска от давно погасших свечей, тонкий аромат лаванды из истлевших саше, едкая нотка средства для чистки серебра, призрак дорогих сигар и, под всем этим, слабый, тошнотворный запах болезни и лекарств. Это был «Эфир Воспоминаний» в его чистом, концентрированном виде.

Солнечный свет, пробиваясь сквозь грязный витраж, окрашивал столбы пыли, танцующие в воздухе, в кровавые и сапфировые тона. В центре холла стояла лестница из темного дерева, чьи перила были вырезаны в виде переплетенных змей. Вдоль стен висели портреты. Лица на них были стерты временем, глаза смотрели с укором, словно я был незваным гостем, нарушившим их вечный покой.

Я сделал шаг, и половица под моей ногой издала протяжный стон. И в этот момент мир снова дрогнул.

Слева от меня, там, где только что была голая стена, на мгновение проступили очертания высокого, застекленного шкафа, полного фарфоровых кукол. Я услышал обрывок

фразы, произнесенной детским голосом: «...она не хочет играть, папа, она смотрит на меня ночью...». Голос был полон слез. Видение исчезло так же быстро, как появилось, оставив после себя лишь звенящую пустоту и холод на коже. «Эхо Прошлого». Не просто ощущение. Фрагмент реальности.

Потрясенный, я прошел дальше, в гостиную. Мебель была накрыта белыми саванами, похожими на призраков, застывших в ожидании. Я подошел к камину из черного мрамора. На полке стоял единственный предмет, не тронутый пылью – серебряный подсвечник на одну свечу. Он был начищен до блеска, словно им пользовались только вчера.

Я не мог удержаться. Мои пальцы, пальцы шеф-повара, привыкшие исследовать мир через осязание, потянулись к холодному металлу. Как только я коснулся его, меня сбило с ног.

Это не было видением. Это было погружение.

Я стоял в этой же комнате, но она была другой. Яркий огонь в камине, смех, музыка. На мне был тесный фрак, и я держал в руке бокал с шампанским, вкус которого – дрожжи, яблоки и тревога – взорвался у меня во рту. Я видел людей в вечерних нарядах, слышал их разговоры о политике, о скачках, о чем-то разорении. Я был одним из них. Мое имя было Джулиан, и я был влюблен в женщину с волосами цвета меди, которая смеялась, разговаривая с другим. Ее звали Элеонора. И я чувствовал не просто свою ревность – я чувствовал ее физически, как спазм в желудке, как кислоту в

горле. Вкус шампанского смешался с вкусом желчи.

Внезапно комната опустела. Огонь в камине погас. Я все еще был Джулианом, но теперь я был стар, и я был один. В руке у меня был этот самый подсвечник. Я нес его по темному коридору, и единственное, что я чувствовал, – это сокрушительное, бездонное одиночество. Вкус во рту был как от пепла. Пепла сожженных писем, пепла несбывшихся надежд. Элеонора вышла замуж за другого. Она умерла много лет назад. А я все еще здесь, в этом доме, который сожрал мою жизнь.

Я закричал. Или закричал Джулиан. Наши голоса слились в один.

Я отдернул руку от подсвечника, словно от раскаленного железа, и рухнул на пол, хватая ртом воздух. Гостиная снова была пустой и пыльной. Но фантомные вкусы – шампанского, желчи и пепла – бушевали у меня на языке. Мои воспоминания и воспоминания Джулиана перемешались. На мгновение я не мог понять, кто я. Эдгар, шеф-повар? Или Джулиан, старик, умерший от одиночества в этом проклятом доме? Когнитивный диссонанс был не просто умозрительным понятием; он был физической болью, разрывавшей мой разум на части.

Я лежал на полу, глядя в потолок, покрытый паутиной, и понимал. Этот дом был не просто зданием. Это был организм. Живой архив, где каждая вещь, каждая пылинка была носителем информации. «Эфир Воспоминаний» был его

кровью, а «Эхо Прошлого» – его нервными импульсами. И я, со своим проклятым даром, был для него идеальным резонатором. Я был ключом, который мог отпереть не только входную дверь, но и все его погребенные жизни.

Мистер Финч был прав. Это место не любит ждать. Оно скучало. И оно нашло себе новую игрушку.

Поднявшись на дрожащих ногах, я обошел комнату. Мое восприятие изменилось. Теперь я видел не просто старые вещи. Я видел сосуды, наполненные до краев чужими судьбами. Вот кресло, в котором кто-то умирал, – от него веяло запахом страха и облегчения. Вот пианино с пожелтевшими клавишами – прикоснувшись к ним, можно было услышать не музыку, а разочарование несостоявшегося гения.

Я вошел в библиотеку. Тысячи книг на полках от пола до потолка. Запах кожи, клея и старой бумаги был оглушающим. Это была не библиотека. Это было кладбище мыслей, идей, историй. Я наугад вытащил один том. «Трактат о природе времени и памяти» неизвестного автора. На форзаце была надпись, сделанная знакомым каллиграфическим почерком, тем же, что и в письме от поверенного: «Для того, кто сможет прочесть не буквы, но то, что между ними. А. В.». Аларик Вейнрайт. Мой прадед.

Я открыл книгу. Между страниц был засушен цветок эдельвейса. Я поднес его к лицу. Запах был едва уловим, но он был. Запах горного воздуха, чистого снега и... триумфа. Триумфа и боли.

Я снова провалился. Головокружительная высота, разреженный воздух, обжигающий легкие. Мои руки в грубых перчатках сдирают кожу о ледяные скалы. Я лезу вверх, к этому цветку, потому что я пообещал его ей. Ей. Элеоноре. Я не Джулиан. Я Аларик. И я докажу ей, что я лучше него. Вкус крови на разбитых губах смешивается с предвкушением победы.

Видение оборвалось. Я стоял посреди библиотеки, сжимая в руке книгу. Так вот оно что. Джулиан и Аларик. Два разных человека, любивших одну женщину. Их эмоции, их жизни, впечатались в стены этого дома, в его предметы, и теперь они столкнулись во мне, как две грозовые тучи. Этот дом не просто хранил память. Он заставлял ее жить снова и снова, переплетая судьбы, создавая новые, причудливые узоры из старых нитей.

Я унаследовал не просто дом. Я унаследовал их жизни. И, возможно, их смерти. Я заперт здесь на год не по воле покойного. Я заперт здесь по воле самого Места. И оно только начало свою игру. Я медленно закрыл книгу, и пыль, поднятая движением воздуха, закружилась в луче света, словно души тех, кто жил здесь до меня, приветствуя нового участника своего бесконечного спектакля.

Глава 2 Приглашение из Забытой Эпохи

Две души внутри меня вели беззвучную войну, и полем битвы для них служили мои кости, мои нервы, моя память. Джулиан, с его обжигающей, собственнической ревностью, бился в моих венах всякий раз, когда взгляд падал на увядающие розы в саду – ее розы. Аларик, мой прадед, отвечал ему тихой, но несгибаемой тоской, что затапливала легкие запахом старых книг и пыли, когда я проходил мимо библиотеки. Они были призраками, вцепившимися не друг в друга, а в меня, их невольного наследника, их сосуд. А над всем этим, словно безмолвный дирижер этого театра теней, возвышался Эвермор. Дом дышал, и его дыхание было пропитано Эфиром Воспоминаний – густым, тягучим киселем, в котором плавали отголоски чужих жизней. Я был заперт. Не стенами, не решетками, а самим временем, которое в этом месте свернулось в тугой, больной узел.

Каждый день был испытанием на прочность моего «я». Я – Эдгар Лакруа, шеф-повар. Я помнил ожоги от раскаленных сковород, аромат свежеиспеченного хлеба на рассвете, солоноватый привкус слез после первого провального суфле. Эти воспоминания были моими якорями в бушующем море чужих страстей. Я цеплялся за них, повторял про себя,

готовил на кухне особняка простые, незамысловатые блюда, чей вкус был знаком и чист, не оравлен привкусом прошлого. Но даже здесь Эвермор находил лазейки. Соль в солонке вдруг приобретала горький привкус разочарования, вода из крана несла металлический оттенок страха. Дом играл со мной, пробовал на вкус мою душу, как я когда-то пробовал редкие специи.

Однажды утром, в один из тех серых, безвременных дней, когда туман за окном казался продолжением пыли внутри дома, тишину прорезал резкий, чужеродный звук. Скрежет металла о дерево. Это был клапан почтового ящика в массивной дубовой двери. Звук был настолько неуместным в этой застывшей капсуле времени, что я вздрогнул, едва не выронив чашку с остывшим кофе. Кто мог писать мне сюда? Мир за пределами Эвермора казался таким же призрачным, как и тени, что плясали в его коридорах.

На полу в холле, на истертом персидском ковре, лежал тяжелый конверт из плотной, кремовой бумаги. Он не был похож на современные почтовые отправления. Он был запечатан сургучной печатью с витиеватым гербом – переплетенные ветви плюща и стилизованная буква «W». Вейнрайт. Сердце пропустило удар. Я поднял его. Бумага была теплой, почти живой на ощупь. От нее исходил тончайший, едва уловимый аромат – смесь старого пергамента, сандала и чего-то еще, чего-то тревожно-сладкого, как запах увядающих лилий.

Я вскрыл его с помощью старинного ножа для бумаг, найденного на столе в библиотеке. Внутри, на листе такой же плотной бумаги, каллиграфическим почерком, достойным средневекового манускрипта, было выведено послание.

Это было не письмо. Это было официальное предложение.

Юридическая фирма «Блэквуд и Филин», действующая от имени попечительского совета «Фонда сохранения исторического наследия Вейнрайтов», уведомляла меня, Эдгара Лакруа, единственного наследника, о своем намерении приступить к реализации последнего пункта завещания Аларика Вейнрайта. Пункт этот касался будущего особняка Эвермор. Фонд, согласно воле моего прадеда, планировал реставрацию поместья и его преобразование в эксклюзивный бутик-отель под названием «Изумрудная Усадьба».

Я читал и перечитывал, а слова плыли перед глазами. Отель? Здесь? В этом мавзолее скорби? Идея казалась кощунственной, абсурдной. Но дальше шло то, что заставило меня замереть.

Мне, как хранителю кулинарных традиций и человеку с «уникальным чутьем», предлагалась должность главного консультанта и шеф-концептолога. Моя задача: создать «меню-повествование». Не просто набор блюд, а кулинарное путешествие сквозь эпохи, отражающее историю особняка. Каждое блюдо должно было стать главой в этой истории, рассказанной через вкус и аромат. В мое полное распоряжение предоставлялись фамильные архивы, поваренные книги,

дневники и, что самое главное, доступ ко всем кладовым и винным погребам Эвермора, опечатанным десятилетия назад. Мне обещали полную творческую свободу и более чем щедрое вознаграждение.

Я опустил письмо. В груди разгорался пожар противоречивых чувств. Часть меня, та, что все еще была Эдгаром, кричала в ужасе. Привести сюда посторонних? Нарушить эту гнетущую, но уже ставшую привычной тишину? Превратить место трагедии в аттракцион для богатых туристов?

Но другая часть... та, что была отравлена любопытством и отчаянием, видела в этом шанс. Шанс не сбежать, нет, я уже понял, что из Эвермора не сбежать. Шанс понять. Понять, что здесь произошло. Архивы. Погреб. Это были ключи. Возможность взглянуть в лицо призракам не через мутные видения, а через документы, рецепты, свидетельства. Использовать свой дар, свое проклятие, не как пассивный приемник, а как инструмент исследования. Превратить кухню в лабораторию, где я буду препарировать прошлое, раскладывать его на ингредиенты, чтобы докопаться до сути. До правды об Элеоноре.

Внезапно в голове прозвучал голос, холодный и язвительный, полный ревнивой боли. *«Они хотят устроить пир на наших костях, выставить нашу боль на потеху толпе».* Это был Джулиан. Его гнев был почти осязаем, он вибрировал в воздухе, заставляя дрожать хрустальную подвеску на старой люстре.

И тут же, словно ответ, пришла другая мысль – тихая, горькая, полная застарелой печали. *«Возможно, только так и можно заставить их замолчать. Рассказать историю до конца, чтобы она наконец умерла».* Аларик.

Они спорили внутри меня, используя мой разум как поле для своей вечной дуэли. Я стиснул зубы, сжимая письмо в руке так, что костяшки пальцев побелели.

– Это моя жизнь! – прошептал я в гулкую тишину холла. – Моя. И я сам решу, что с ней делать.

В письме указывалось, что представитель фирмы, мистер Арчибальд Стерлинг, прибудет на следующий день для обсуждения деталей. Я провел остаток дня и всю ночь в лихорадочном состоянии. Дом, казалось, тоже пришел в движение. Скрипы стали громче, тени – гуще. Мне чудилось, будто я слышу шепот из-за закрытых дверей, обрывки споров, тихий женский плач, растворяющийся в шорохе сквозняков. Воля Места реагировала на вторжение извне. Она была встревожена.

Ровно в полдень следующего дня раздался стук в дверь. Настоящий, уверенный стук, а не призрачное поскребывание. На пороге стоял мистер Стерлинг. Он был полной противоположностью Эвермору – высокий, худой, в идеально скроенном сером костюме, с туго завязанным галстуком и начищенными до блеска оксфордами. Его лицо было узким, бесстрастным, а глаза за стеклами очков в тонкой оправе

смотрели проницательно и немного устало, словно он видел слишком много старинных особняков с их банальными тайнами.

– Мистер Лакруа? Арчибальд Стерлинг, «Блэквуд и Финлин», – произнес он сухим, как шелест пергамента, голосом. – Могу я войти?

Я молча отступил в сторону. Он вошел, и на мгновение мне показалось, что аура его порядка и логики заставила тебя в холле отступить на шаг. Он огляделся с профессиональным интересом, но без малейшего намека на удивление или страх. Для него это был просто еще один объект недвижимости, еще одно дело.

– Впечатляющее место, – констатировал он, постучав костяшкой пальца по резной деревянной панели на стене. – Крепкое. Кости хорошие. Конечно, потребуется серьезная работа. Но потенциал огромен. История – вот что продается лучше всего в наши дни. А у этого места истории в избытке.

Мы прошли в гостиную. Я не предложил ему чая или кофе. Мысль о том, чтобы приготовить что-то в этом доме для постороннего, казалась мне невыносимой. Мы сели друг напротив друга, разделенные пыльным кофейным столиком.

– Вы получили наше предложение, – начал он, открывая

тонкий кожаный портфель. – И, полагаю, у вас есть вопросы.

– У меня есть один главный вопрос, мистер Стерлинг, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. – Почему именно отель? Мой прадед был... уединенным человеком. Эта идея кажется мне совершенно не в его духе.

Стерлинг позволил себе слабую, почти незаметную улыбку.

– Аларик Вейнрайт был человеком сложным и, я бы сказал, театральным. В его завещании есть пункт, который я могу процитировать по памяти: «Пусть стены Эвермора, что были свидетелями молчаливой драмы, наконец обретут голоса. Пусть его история будет рассказана не шепотом призраков, а смехом живых людей. Дом не должен быть гробницей». Он хотел, чтобы это место снова жило, мистер Лакруа. А в двадцать первом веке жизнь для таких поместий – это коммерция. Искусство, но коммерция.

Его слова были логичны, но я чувствовал в них фальшь. Или, скорее, неполную правду. Дом не хотел смеха. Он хотел зрителей для своей бесконечной пьесы.

– И моя роль в этом... – начал я.

– Ключевая, – перебил он. – Мы не хотим создавать очередной безликий отель с антикварной мебелью. Мы хотим создать опыт. Погружение. А что может погрузить в прошлое лучше, чем вкус и аромат? Мы изучили вашу карьеру, мистер Лакруа. Ваши эксперименты с исторической кухней, ваша репутация... Вы не просто повар, вы – кулинарный археолог. Вы именно тот, кто нужен этому проекту. Вы сможете заставить гостей попробовать историю на вкус.

Он говорил об истории как о товаре. О призраках – как о маркетинговом ходе.

– Здесь ходит много местных легенд, – продолжил он, словно читая мои мысли. – О всяких духах, несчастной любви... кажется, что-то про «пропавшую невесту». Отличный материал для пиар-кампании. Мы создадим атмосферу тайны, гости будут в восторге.

«Пропавшая невеста». Элеонора. Он произнес это так легко, так буднично, что у меня по спине пробежал холод. Он не имел ни малейшего понятия, о чем говорит. Для него это были байки, а для меня – две воюющие души в моем собственном теле.

– Я согласен, – сказал я, сам удивляясь своей решимости.

Стерлинг удовлетворенно кивнул, словно иного ответа и

не ожидал.

– Прекрасно. Тогда первый шаг – полная инвентаризация. Особенно нас интересуют погреба. По легендам, там хранится коллекция вин, заложенная еще в середине девятнадцатого века. Ваша задача – изучить все, что может иметь гастрономическую ценность. Рецепты, вина, консервы, все, что угодно. Вот, – он извлек из портфеля и положил на стол тяжелую связку старинных ключей. – Это от всех служебных помещений, включая главный винный погреб и архивы. Они были опечатаны после смерти вашего прадеда. Теперь они в вашем распоряжении.

Когда он ушел, оставив после себя едва уловимый запах дорогого одеколона и деловой уверенности, дом снова погрузился в свою обычную, гнетущую тишину. Но что-то изменилось. Теперь у меня была цель. И ключи.

Связка была тяжелой, железо – холодным и гладким от времени. Я выбрал самый большой и ржавый ключ. Дверь в погреб находилась в дальнем конце коридора первого этажа, за кухней. Она была низкой, обита железом и выглядела так, будто ее не открывали столетие. Замок поддался не сразу, со скрежетом и стоном, словно потревоженный дух.

В лицо ударил поток спертого, холодного воздуха. Он пах землей, влажным камнем, древесной гнилью и еще чем-то – густым, сладковатым ароматом застывшего времени. Это был запах не просто старого вина. Это был запах запечатан-

ных воспоминаний.

Я зажег керосиновую лампу, которую нашел в кладовке. Ее теплый, живой свет выхватил из темноты каменные ступени, уходящие глубоко вниз. С каждым шагом температура падала, а запахи становились все интенсивнее. Стены были покрыты седыми прядями плесени, с потолка свисали нити паутины, толстые, как веревки.

Погреб оказался огромным. Это был лабиринт из каменных ниш и альковов. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи, уставленные бутылками. Большинство из них были покрыты таким толстым слоем пыли и плесени, что напоминали странные геологические образования. На некоторых висели потемневшие от времени картонные бирки с выцветшими надписями.

Я шел вдоль рядов, проводя рукой по холодным, пыльным бутылкам. Каждый мой шаг гулко отдавался в тишине. Лампа отбрасывала на стены мои уродливые, пляшущие тени. Здесь, внизу, давление Эфира Воспоминаний было почти невыносимым. Воздух был плотным, тяжелым, им было трудно дышать. Мне казалось, что я слышу эхо давно отзвучавших разговоров, звон бокалов, тихий смех, который внезапно обрывался. Это были Эхо Прошлого, самые концентрированные и чистые.

В самой дальней нише, отдельно от остальных, я увидел небольшой деревянный стеллаж. На нем стояло всего несколько бутылок. Они были другими. Пыли на них бы-

ло меньше, словно кто-то заботился о них дольше, чем об остальных. Мое внимание привлекла одна, из темного, почти черного стекла, без этикетки. Лишь на горлышке висела маленькая серебряная табличка, на которой было выгравировано одно слово: «Célébration». Празднование.

Что здесь праздновали?

Внутри меня что-то дрогнуло. Необъяснимое влечение, почти приказ. Я взял бутылку. Она была тяжелой и холодной. Сургуч на пробке был темно-бордовым, почти черным, и нетронутым.

Я вернулся наверх, на кухню. Мои руки слегка дрожали. Я чувствовал себя святотатцем, вскрывающим древнюю гробницу. Я нашел штопор и осторожно, стараясь не раскрошить старую пробку, ввинтил его. Раздался тихий, глухой хлопок – вздох бутылки, освобожденной из столетнего плена.

Из горлышка потянулся аромат. Невероятно сложный, многослойный. Сначала – ноты черной смородины, увядшей фиалки и влажной земли. Затем – оттенки кожи, табака и трюфеля. Но под всем этим, как темное подводное течение, ощущалось что-то еще. Что-то металлическое, горькое, как запах омытых дождем камней на старом кладбище.

Я налил немного вина в бокал. Оно было густого, рубинового цвета, почти непрозрачное. Я поднес бокал к губам. Я знал, что делаю. Я сознательно шел на это. Это было мое исследование.

Первый глоток.

Вкус взорвался на языке, смывая реальность. Это не было похоже ни на что, что я пробовал раньше. Терпкость старого винограда, сладость выдержанных ягод, благородная горечь дуба... и еще. Вкус триумфа, острого, как лезвие. Мужского триумфа. *«Она будет моей. Наконец-то моей».* Это была мысль Джулиана, чистая, неразбавленная, полная собственного восторга.

И тут же реальность кухни начала таять. Стены покрылись тяжелыми гобеленами, простой деревянный стол превратился в длинный банкетный стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный серебром. Я видел все это его глазами. Я был на свадебном пиру. На его свадьбе.

Я сидел во главе стола. Рядом со мной, в платье цвета слоновой кости, сидела Элеонора. Ее лица я по-прежнему не мог разглядеть, оно было размытым, смазанным пятном, словно память отказывалась или боялась его воспроизвести. Но я чувствовал ее присутствие – аромат ее духов, шелест ее платья, холод ее пальцев в моей руке.

Я, то есть Джулиан, поднял бокал. Гости за столом последовали моему примеру. Все улыбались, но улыбки их казались мне хищными оскалами. И среди них, в дальнем конце стола, я увидел Аларика. Он не улыбался. Он смотрел на меня, и в его взгляде была такая смесь боли, ненависти и отчаяния, что вино во рту на мгновение приобрело вкус желчи.

– За мою жену! – произнес я голосом Джулиана, и этот голос прозвучал в зале громко и властно. – За Элеонору!

И в этот момент, когда я сделал второй глоток, вкус вина резко изменился. Сладость исчезла, уступив место всепроникающей, невыносимой горечи. Это была не просто горечь танинов. Это была горечь предательства. Вкус яда. Не физического яда, а чего-то худшего. Яда, который отравляет душу.

Видение затрещало, как старая киноплёнка. Смех гостей превратился в зловещий шепот. Лица их исказились в гримасах. Серебро на столе потускнело. Аларик поднялся из-за стола, его фигура казалась темным, зловещим силуэтом на фоне ярких свечей. Он ничего не сказал, просто смотрел. И в этом взгляде было обещание. Обещание расплаты.

Видение оборвалось.

Я стоял посреди своей кухни, тяжело дыша. В руке я сжимал бокал. Я посмотрел на вино. Оно больше не было рубиновым. В тусклом свете лампы оно казалось черным, как нефть. Я поднес его к носу. Запах ягод и земли исчез. Теперь оно пахло только пеплом и застарелой скорбью.

Я поставил бокал на стол. Меня трясло. Это было не просто «Празднование». Это было вино со свадьбы Джулиана и Элеоноры. Свадьбы, которая, как я теперь понимал, стала началом конца. Легенда о «пропавшей невесте»... Она не просто пропала. Что-то ужасное случилось с ней после этого пира. И этот дом, это вино – они помнили.

Предложение мистера Стерлинга больше не казалось мне деловой сделкой или даже шансом на расследование. Оно

было приглашением. Приглашением от самого Эвермора. Дом использовал этих людей, их деньги, их планы, чтобы втянуть меня глубже в свою трагедию. Он дал мне ключ не просто к погребу. Он дал мне ключ к первому акту своей пьесы. И я только что выпил его на вкус. Вкус триумфа, обернувшегося ядом. Теперь я должен был узнать, что случилось дальше.

Глава 3 Дыхание Призрачных Стен

Яд. Это было последнее, что осталось на языке – не просто горечь, а едкий, пепельный концентрат предательства. Он впитался в мои сосочки, просочился в кровь, и теперь фантомный огонь полз по венам, отравляя само мое существо. Я лежал на холодных каменных плитах винного погребка, вдыхая спертый воздух, пропитанный пылью веков и запахом пролитого вина. Бутылка с гравировкой «Célébration» выскользнула из ослабевших пальцев и, к счастью, не разбилась, лишь глухо стукнулась о пол, оставшись лежать рядом, словно саркофаг, в котором упокоился один-единственный момент триумфа, мгновенно сменившийся агонией.

Мир вокруг меня медленно обретал резкость. Сквозь мутную пелену видения проступали очертания стеллажей, покрытых паутиной, тусклый свет одинокой лампочки под потолком, тени, что казались гуще и живее, чем должны были быть. Но внутри моей головы продолжалась буря. Сознание Джулиана, еще секунду назад пьяное от победы, теперь корчило в немом крике. Он завоевал Элеонору, он отнял ее у Аларика, но этот триумф оказался отравлен. Чем? Кем? Видение оборвалось на самом пике, на ноте пронзительной боли, оставив меня с вопросами, которые жалили хуже яда.

И где-то на периферии моего сознания, словно тихий, скорбный наблюдатель, стоял Аларик. Его тоска, которую я

ощутил от засушенного цветка, теперь обрела новый оттенок – не просто горечь утраты, а мрачное, почти злорадное знание. Он знал. Мой прадед знал, что этот союз был обречен с самого начала. Эти два сознания – яростное, обманутое пламя Джулиана и холодный, выжидающий пепел Аларика – боролись за место в моей душе, разрывая меня на части.

– Нет... – прохрипел я, и звук собственного голоса показался чужим, сорванным. – Я – Эдгар.

Я заставил себя сесть. Голова кружилась. Вкус яда во рту был настолько реальным, что меня затошнило. Я отполз от бутылки, словно от ядовитой змеи. Нужно было подняться. Нужно было выбраться из этого склепа, где Эфир Воспоминаний был так плотен, что им можно было задохнуться. Каждый вдох здесь наполнял меня чужими эмоциями. Я опёрся о стеллаж, пальцы скользнули по влажному камню. Встать. Просто встать.

Шатаясь, я добрался до деревянной лестницы и, цепляясь за перила, начал подъем. С каждой ступенькой я пытался отогнать наваждение, сосредоточиться на реальности. На скрипе половиц, на ощущении занозистого дерева под ладонью, на собственном сбившемся дыхании. Но стоило мне закрыть глаза, как перед внутренним взором вспыхивало лицо Элеоноры в свадебной фате, ее глаза, в которых не было радости, а лишь какая-то туманная, глубокая печаль. И рядом – торжествующее лицо Джулиана, искаженное за миг до того, как его мир рухнул.

Выбравшись из погребца, я захлопнул тяжелую дубовую дверь и повернул ключ в замке. Лязг металла стал финальной точкой, отделившей меня от концентрированного кошмара. Но я знал, что это лишь иллюзия. Весь дом был таким. Весь Эвермор был пропитан этой трагедией.

Я оказался в длинном коридоре для прислуги, тускло освещенном пыльными окнами под потолком. Воздух здесь был чуть разреженнее, но все равно нес в себе ноты увядших цветов, воска и чего-то еще – сладковатого, почти приторного запаха застарелого горя. Теперь, когда дар обострился до предела, я не просто ощущал – я видел эти запахи как цветные туманы, клубящиеся в пространстве.

Мистер Стерлинг и его фонд хотели превратить это место в аттракцион. «Меню-повествование». Какую историю я должен был рассказать им? Историю о триумфе, обернувшимся ядом? Они хотели элегантных названий и красивых легенд. А я попробовал на вкус самую суть этой легенды, и она была горькой, как желчь.

Но их предложение, как бы цинично оно ни звучало, было моим единственным шансом. Ключи. У меня были ключи от всех дверей. Я должен был продолжить расследование, не ради них, а ради себя. Чтобы понять, что за спектакль разыгрывает со мной этот дом, и чтобы, возможно, найти способ вырваться из роли главной марионетки.

Свадебный пир. Видение было ясным – большой зал, множество гостей, музыка. Это должно было происходить в глав-

ном банкетном зале. Именно там «Память Места» должна была сохранить самые яркие отпечатки того дня. Если вино стало первым актом, то сам зал мог хранить в себе второй.

Я двинулся по коридорам, мои шаги гулко отдавались в тишине. Дом следил за мной. Я чувствовал это не как паранойю, а как физическое давление. Скрип половицы за спиной, внезапный сквозняк в наглухо запертой комнате, игра света и тени в углах, создающая иллюзию движения. Это была «Воля Места», его разум, изучающий меня, играющий со мной.

Банкетный зал превзошел все мои ожидания. Двусветное пространство с огромными, от пола до потолка, окнами, занавешенными тяжелыми бархатными шторами, истлевшими от времени. В центре стоял длинный обеденный стол, такой огромный, что за ним могла бы разместиться целая армия. Он был покрыт толстым слоем пыли, но под ней угадывались остатки былой роскоши – потемневшие серебряные канделябры, опрокинутые бокалы, истлевшая скатерть. Казалось, пир закончился вчера, и слуги просто забыли убрать со стола, позволив времени сделать свою работу.

Воздух здесь был другим. Он вибрировал от невысказанных слов и затаенных обид. Я медленно шел вдоль стола, проводя пальцами по пыльной поверхности. Под моими руками оживали «Эхо Прошлого» – едва уловимые фантомы смеха, звона бокалов, обрывков разговоров на французском и английском. Они были слабыми, как старая фотография,

но они были здесь.

Я остановился в центре зала, пытаясь представить картину. Вот во главе стола сидят Джулиан и Элеонора. Он, сияющий от гордости и обладания. Она, прекрасная и отстраненная, словно фарфоровая кукла. А где-то среди гостей, в тени, сидит Аларик, наблюдая за своим поражением. Я чувствовал его присутствие здесь так же отчетливо, как и присутствие Джулиана. Их эмоции пропитали стены, мебель, сам воздух.

Мой взгляд упал на один из столовых приборов, лежавший возле опрокинутого бокала. Это была массивная серебряная солонка, из тех, что наполняют крупной морской солью. Она была покрыта темным налетом, но ее форма, изящная и витиеватая, говорила о былом великолепии. Соль. Символ чистоты, нерушимости клятв. Но также и символ слез.

Я колебался. Каждое новое прикосновение, каждый новый вкус был риском потерять еще один кусочек себя. Но отступить я уже не мог. Я был поваром, которого заперли на кухне с отравленными ингредиентами. Единственный способ выжить – понять природу яда.

Осторожно, двумя пальцами, я поднял солонку. Она была тяжелой и холодной. Металл хранил в себе не только холод камня, но и ледяное прикосновение давно умерших рук. Я поднес ее ближе к лицу. Запаха почти не было – лишь слабая нота окислившегося серебра и пыли. Но мой дар работал не только с прямыми стимулами. Он реагировал на историю, на

саму суть предмета.

Я закрыл глаза и сосредоточился, позволяя «Эфиру Воспоминаний», заключенному в металле, проникнуть в меня. И на этот раз это был не вкус. Это был звук.

Сначала тихий шепот, неразборчивый, как шорох листьев. Затем он стал громче, обретая форму. Это был голос Элеоноры. Но он не звучал в моих ушах. Он рождался прямо в моем сознании, холодный и ясный.

«Ты получил то, что хотел, Джулиан. Ты получил стены, имя, меня. Но душа моя тебе не принадлежит. Никогда не будет принадлежать».

А затем ответ Джулиана. Его голос был пропитан яростью, едва сдерживаемой за фасадом светских манер.

«Я буду владеть твоей душой, даже если для этого мне придется запереть ее в этом доме навсегда. Ты моя. И он никогда тебя не получит».

«Он» – это, без сомнения, Аларик.

Видение, хлынувшее следом, было неполным, рваным. Это были не события, а скорее эмоциональные отпечатки, оставленные на ткани реальности. Я видел руки Элеоноры, ломающие стебель белой розы. Видел глаза Джулиана, потемневшие от ревности, когда он смотрел, как Аларик кланяется его невесте. Видел лицо самого Аларика, спокойное, почти непроницаемое, но в глубине его взгляда таилась такая боль, что мне самому стало трудно дышать.

И главное. Я увидел момент, который, казалось, стал точ-

кой невозврата. Элеонора стоит у окна, спиной к залу. Аларик подходит к ней. Между ними не было прикосновений, лишь несколько тихих слов, которые я не мог расслышать. Но я видел, как он передал ей что-то маленькое. Крошечный флакон из темного стекла. Она спрятала его в складках своего свадебного платья.

И в этот момент вкус во рту вернулся. Не тот яд, что был в вине, не обжигающий и мгновенный. А другой – медленный, горький, привкус безнадежности. Это был яд отчаяния.

Я резко отдернул руку, солонка с глухим стуком упала обратно на стол, подняв облачко пыли. Флакон. Аларик дал ей флакон. С чем? С ядом? С лекарством? С духами?

В голове царил хаос. Фрагменты мозаики не складывались в единую картину, а лишь порождали новые, еще более чудовищные вопросы. Свадьба была фасадом. Под звуки музыки и звон бокалов разыгрывалась безмолвная драма, полная ненависти, отчаяния и тайных сговоров. Празднование («Célébration») было отравлено задолго до того, как кто-то сделал роковой глоток.

Я попятился от стола, чувствуя, как стены зала начинают давить на меня. Тени в углах сгущались, и мне показалось, что в отражении на темном стекле окна за моей спиной промелькнули две фигуры – высокая и темная тень Джулиана и чуть поодаль – скорбный силуэт Аларика. Они были здесь. Они всегда были здесь, запертые в этом бесконечном цикле, и теперь они смотрели на меня, своего нового актера.

Мне нужен был воздух. Мне нужно было убежище. Место, где я мог бы снова стать собой.

Не помня себя, я выбежал из банкетного зала и почти бегом устремился туда, где чувствовал себя в безопасности – на кухню. Это было единственное место в доме, которое я успел хоть немного обжить, расчистить от вековой пыли, сделать своим. Кухня была моим храмом, моим якорем. Здесь я был творцом, а не пассивным зрителем.

Я ворвался в просторное помещение с высоким сводчатым потолком и огромной чугунной плитой в центре. Здесь пахло иначе. К запахам старого дома примешивались ароматы, которые принес я сам: розмарин, тимьян, оливковое масло. Я схватился за край массивного дубового стола, пытаюсь унять дрожь в руках и восстановить дыхание.

Нужно было что-то сделать. Что-то простое, реальное. Приготовить еду. Процесс, который я знал до мельчайших деталей, ритуал, который всегда возвращал меня на землю. Я зажгу огонь. Вскипячу воду. Приготовлю что-нибудь, что не имеет никакого отношения к этому проклятому прошлому. Что-то, что будет принадлежать только мне.

Я решил сварить пасту. Просто пасту. Мука, вода, соль, яйца. Самые основы основ. Я достал мешок муки, который привез с собой, яйца из маленького холодильника. Движения были автоматическими, отточенными годами практики. Я насыпал муку горкой на стол, сделал в центре углубление, разбил туда яйца. Вот оно. Начало. Созидание.

Но когда я потянулся за солью, рука замерла. Образ серебряной солонки из банкетного зала вспыхнул в памяти. Соль и слезы. Я потряс головой, отгоняя наваждение, и взял свою собственную, простую солонку с обычной поваренной солью.

Я замешивал тесто, вкладывая в этот процесс всю свою волю, все желание отгородиться от призраков Эвермора. Я месил его долго, яростно, пока оно не стало гладким и эластичным под пальцами. Я чувствовал, как напряжение понемногу отпускает. Вот он, мой мир. Понятный, осязаемый.

Я раскатал тесто в тонкий пласт, нарезал на длинные ленты феттучине. Поставил на огонь кастрюлю с водой. Пока вода закипала, я решил приготовить простейший соус – чеснок, оливковое масло, немного перца чили. Я раздавил зубчики чеснока плоской стороной ножа. Привычный, резкий, живой аромат ударил в нос. Это был запах реальности.

Вода закипела. Я бросил в нее щедрую горсть соли и опустил пасту в бурлящий кипяток. Все шло правильно. Все было под моим контролем.

Но потом это началось.

Сначала изменился запах кипящей воды. К аромату пара и соли примешалась едва уловимая нотка... тины. Словно вода была не из-под крана, а из зацветшего пруда. Я нахмурился, списав это на старые трубы, на игру воображения.

Паста сварилась. Я откинул ее на дуршлаг. Пар, поднимающийся от нее, был густым и тяжелым, и в нем уже явствен-

но пахло не свежим тестом, а чем-то другим. Затхлостью. Влажной землей.

Я быстро бросил пасту на сковороду с чесночным маслом, перемешал. Шипение масла, аромат чеснока и перца должны были перебить все посторонние запахи. И на мгновение так и произошло. Но лишь на мгновение.

Когда я выложил пасту на тарелку, я понял, что «Воля Места» не отпустит меня так просто. Мой якорь, мое убежище было осквернено. Запах чеснока и масла не исчез, но сквозь него пробивался тонкий, тошнотворный сладковатый аромат. Запах увядающих лилий. Похоронных цветов.

Мои руки дрожали, но я заставил себя взять вилку. Этого не может быть. Это просто мое воображение, расшатанное видениями. Это обычная еда. Моя еда.

Я накрутил пасту на вилку и поднес ко рту. И замер.

На языке еще жил призрак яда, горечь предательства. Я боялся, что любой новый вкус смешается с ним, усилит его. Но я должен был. Я должен был доказать себе, что еще контролирую хоть что-то.

Я положил пасту в рот.

Первой была текстура. Идеальная, *al dente*. Затем вкус оливкового масла, острота чили, тепло чеснока. На секунду я испытал облегчение. Это была просто паста. Моя паста.

А потом пришло послевкусие.

Оно нахлынуло не сразу, а медленно, как подступающий прилив. Вкус свежего теста сменился привкусом влажной,

рыхлой земли. Словно я жевал не муку и яйца, а комья кладбищенской почвы. Острота перца превратилась в едкий привкус ржавчины, словно я лизнул старый железный гвоздь. А соль... соль на вкус была как слезы. Горькие, соленые, полные безысходности слезы Элеоноры.

Меня вывернуло. Я едва успел отскочить от стола, прежде чем мое тело исторгло из себя эту чудовищную пародию на еду. Я стоял, согнувшись пополам, упираясь руками в колени, и меня сотрясала дрожь. Это был не просто когнитивный диссонанс. Это было полное уничтожение моей реальности.

Дом не просто показывал мне прошлое. Он переписывал мое настоящее. Он проникал в самую суть вещей, в молекулярную структуру еды, в мое восприятие, в мой дар, обращая его против меня. Мое единственное оружие, мое главное ремесло, моя личность – все это было захвачено и искажено.

Я выпрямился и посмотрел на тарелку. Паста выглядела совершенно нормально. Обычная паста с маслом и чесноком. Но я знал, чем она была на самом деле. Это было блюдо, приготовленное из скорби, отчаяния и смерти. Меню-повествование, которого так жаждал мистер Стерлинг, уже началось. И я был на нем не поваром. Я был главным дегустатором.

Я поднял взгляд и обвел им кухню. Мое святилище. Оно больше не было моим. В тенях у старой печи мне снова померещились темные фигуры. Они не приближались, просто стояли и смотрели. Ждали. Этот дом не собирался раскры-

вать мне свои тайны. Он собирался скормить их мне, кусочек за кусочком, пока от меня, Эдгара Лакруа, не останется ничего, кроме пустой оболочки, набитой чужими воспоминаниями и отравленной чужой болью. Битва за собственную душу, которую я наивно считал возможным выиграть, была проиграна, едва начавшись. Я был не в доме с привидениями. Я был внутри привидения. И оно было голодно.

Глава 4 Медь, Запах Пыли и Пробуждение Дара

Кухня встретила меня молчанием. Не тем умиротворяющим, что бывает ранним утром, когда мир еще не проснулся, а тяжелым, гнетущим, словно толща воды над головой утопленника. Воздух, еще вчера бывший моим союзником, теперь казался враждебным. Он все еще хранил призрачный шлейф того, что дом сотворил с моей пастой – фантомный запах похоронных лилий и влажной земли, въевшийся не в стены, а в мое собственное восприятие. Я стоял на пороге своего низвергнутого святилища, и во мне боролись два желания: бежать без оглядки или, стиснув зубы, войти и отвоювать эту территорию.

Внутри меня шевелились тени. Джулиан, с его испепеляющей яростью собственника, требовал действия, мести, разрушения. Он хотел крушить эту кухню, разбить каждый сервиз, втоптать в пол все, что напоминало о чужой воле. Аларик же, мой прадед, окутывал душу холодной, смиренной тоской. Его скорбь была не менее сильной, но тихой, как медленно просачивающийся яд. Он советовал наблюдать, слушать, впитывать боль этого места, ибо только так можно было понять его суть. Я был зажат между этими двумя жерновами, и моя собственная личность, личность Эд-

гара Лакруа, шеф-повара, любившего гармонию вкусов, истончалась с каждым часом, превращаясь в натянутую струну, готовую вот-вот лопнуть.

Я заставил себя сделать шаг. Каменные плиты пола были холодны даже сквозь подошвы ботинок. Мой взгляд скользнул по чугунным плитам, по потускневшим латунным ручкам шкафов, по огромному дубовому столу в центре. Все было на своих местах, но ощущалось чужим, оскверненным. Это больше не было местом созидания. Это была сцена преступления, где жертвой стал я сам.

– Нужно работать, – прошептал я в пустоту, и мой голос прозвучал слабо и неуверенно. Слова принадлежали Эдгару, но интонация – отчаянному человеку, пытающемуся убедить самого себя.

Проект отеля. Мистер Стерлинг и его циничная улыбка. «Меню-повествование». Эта задача, еще недавно казавшаяся мне спасительной соломинкой, теперь выглядела как изощренная пытка. Дом предлагал мне раскрыть его историю, но не через документы и архивы, а через дегустацию его безумия. Я должен был приготовить блюда, которые расскажут о трагедии, используя ингредиенты, пропитанные ею. Ирония была настолько горькой, что на языке появился привкус хины.

Снаружи слышались шаги. В кухню вошли двое: пожилой мужчина в рабочем комбинезоне, с лицом, похожим на печеное яблоко, и строгая женщина в темном платье, с се-

дыми волосами, собранными в тугий пучок. Это были Артур, садовник и смотритель, и миссис Гейбл, экономка, чье существование я до сих пор едва замечал. Они работали на фонд Вейнрайтов и теперь, очевидно, были переданы в мое распоряжение вместе с особняком.

– Доброе утро, мистер Лакруа, – произнесла миссис Гейбл, ее голос был сухим, как осенний лист. – Мистер Стерлинг просил уточнить, все ли вас устраивает. Мы можем начать приводить в порядок жилые помещения.

– Да, спасибо, – кивнул я, стараясь выглядеть собранным. – Но сначала я хотел бы разобраться здесь. На кухне. Нужно провести полную инвентаризацию.

Артур, до этого молчаливо стоявший у двери, кашлянул в кулак.

– Старая утварь, сэр... Она в кладовой, за той дверью. Почти не трогали с... давних времен. Говорят, прадед ваш, Аларик, велел все убрать. Не любил он эту кухню.

Его слова ударили меня, как физический толчок. Аларик не любил кухню. Почему? Было ли это место связано с Эленорой? С ее исчезновением?

– Откройте, пожалуйста, – сказал я, и во мне проснулся нездоровый азарт исследователя, идущего по следу раненого зверя.

Артур достал из кармана связку тяжелых железных ключей, и через мгновение ржавый замок со скрипом поддался. Дверь отворилась, выпустив наружу облако спертого воз-

духа, пахнущего пылью, временем и чем-то еще, неуловимо металлическим и сладковатым, как застарелая кровь.

Кладовая была забита сокровищами, которые заставили бы сердце любого повара биться чаще. На стеллажах, уходящих в полумрак, громоздились стопки фарфора с гербом Вейнрайтов, ряды серебряных подносов, покрытых темной патиной, и батареи медной посуды. Именно медь приковала мое внимание. Кастриули, сотейники, ковши всех форм и размеров тускло поблескивали в проникающем сквозь пыльное оконце свете. Их бока были покрыты зеленоватым налетом времени, но я видел под ним благородный теплый отсвет металла.

Медь – живой металл. Она реагирует, меняется, хранит тепло лучше стали и чугуна. Она требует ухода, ее нужно постоянно чистить, лудить. Она вступает в диалог с поваром. Я почувствовал инстинктивное желание прикоснуться к ней, вернуть ей жизнь, очистить от налета десятилетий. Это было желание Эдгара-повара, отчаянная попытка найти что-то знакомое и понятное в этом мире искаженных вкусов.

– Я займусь этим, – объявил я, обращаясь скорее к самому себе, чем к притихшим служащим. – Нужно все это вынести, почистить и проверить. С этого и начнется мое меню. С инструментов.

Миссис Гейбл поджала губы, но кивнула. Артур же смотрел на меня с каким-то странным, почти сочувственным любопытством. Казалось, он ждал чего-то.

Следующие несколько часов я посвятил себя работе, которая была сродни медитации. Мы с Артуром переносили тяжелые медные предметы на огромный центральный стол. Я приготовил чистящую пасту из соли, муки и уксуса – старый, проверенный способ. Шершавая соль, кислота уксуса, мягкая основа муки. Простые, честные ингредиенты. Я втирал смесь в потускневшую поверхность, и под моими пальцами медь начинала оживать. Зеленая патина сходила, уступая место розовато-золотому сиянию. Запах уксуса и металла наполнил кухню, вытесняя призрачные ароматы тлена.

На мгновение мне показалось, что я побеждаю. Я возвращал порядок, наводил чистоту, утверждал свою волю над материей. Внутри меня голоса Джулиана и Аларика притихли, словно замороженные этим монотонным, созидательным процессом. Я чувствовал себя почти нормально. Почти.

Я работал методично, предмет за предметом. Вот тяжелая кастрюля для бульона, в которой наверняка варили консоме для десятков гостей. Вот изящный сотейник для соусов, его ручка из кованого железа идеально ложилась в руку. Каждый предмет был частью истории, немым свидетелем бесчисленных пиров и тихих семейных ужинов. Я старался не думать об этом, концентрируясь на физической работе. Скрежет ткани о металл, усилие мышц, видимый результат. Это был мой якорь.

А потом я взял в руки его.

Это был широкий, тяжелый сотуар с высокими прямыми

бортами, предназначенный для обжаривания и тушения. Он был тяжелее остальных, словно в его металле скопился не только вес меди, но и вес времени. На его дне виднелась глубокая царапина, а один край ручки был слегка погнут. Я поднял его, чтобы рассмотреть поближе, и в этот момент мир раскололся.

Это не было похоже на предыдущие видения. Не медленное погружение, как с подсвечником, не волна вкуса, как с вином. Это была вспышка, удар, выстрел в самое средоточие сознания.

Все началось с запаха. Резкий, озоновый запах, какой бывает после удара молнии, смешанный с омерзительной сладостью горячей крови и пыли, поднятой резким движением. Запах ударил в ноздри, парализуя мысли.

Затем – звук. Пронзительный звон разбивающегося стекла. Не просто треск, а целый каскад, словно вдребезги разлетелось что-то большое – оконное стекло или зеркало. И вслед за этим – короткий, сдавленный женский вскрик. Звук был настолько реальным, что я невольно обернулся, ожидая увидеть за спиной осколки.

И, наконец, образ. Он не сформировался перед глазами, а взорвался прямо внутри моего черепа. Краткий, как фотовспышка, но отпечатавшийся на сетчатке с жуткой ясностью. Темный силуэт женщины в длинном платье, застывший на фоне окна, за которым бушевала гроза. Ее рука была вскинута – то ли в защитном жесте, то ли в попытке что-то бро-

силь. И на подоле ее платья, на полу у ее ног – яркое, кричащее алое пятно. Оно растекалось, впитывалось в ткань и дерево, и его цвет был невыносимо живым.

Все это длилось не более секунды.

Мои пальцы разжались сами собой. Сотуар с оглушительным грохотом упал на каменный пол. Звук удара меди о камень вернул меня в реальность. Он был грубым, настоящим, физическим. Я отшатнулся назад, споткнувшись о ножку стола, и чуть не упал. Сердце колотилось в горле, в ушах стоял шум. В носу все еще стоял фантомный запах крови и озона.

– Мистер Лакруа!

Голос миссис Гейбл прорвался сквозь пелену шока. Она и Артур смотрели на меня во все глаза. На их лицах было не просто удивление. Там был страх. Узнавание. Словно они уже видели нечто подобное.

– Вы в порядке, сэр? – голос Артура дрогнул. – Вы так побледнели... Словно призрака увидели.

Я не мог ответить. Я смотрел на медный сотуар, лежащий на полу. Он выглядел как обычный кусок металла. Невинный. Но я знал, что это не так. Память, запечатанная в нем, словно специя в герметичной банке, только что вскрылась и ударила мне в лицо всей своей концентрированной мощью.

– Я... я в порядке, – выдавил я, переводя дыхание. – Он просто... выскользнул. Тяжелый.

Ложь прозвучала жалко даже для моих собственных

ушей. Мои руки дрожали. Я попытался опереться о стол, но даже его дубовая поверхность казалась теперь ненадежной.

Миссис Гейбл подошла и, не говоря ни слова, налила в стакан воды из стоявшего на полке графина. Она протянула его мне. Ее рука не дрожала, но во взгляде читалась напряженная настороженность.

– Возможно, вам стоит отдохнуть, – сказала она ровным тоном, в котором, однако, слышались стальные нотки. – Переутомление. Дом... он может давить на непривычного человека.

«Давить». Какое мягкое, неточное слово. Он не давил. Он вскрывал, потрошил, перекраивал.

Я осушил стакан залпом. Холодная вода немного привела меня в чувство.

– Нет, – я покачал головой, глядя на сотуар. – Я должен закончить.

Во мне снова заговорил не повар, но следователь. То, что я увидел, было не просто случайной вспышкой. Это был фрагмент. Ключевой фрагмент. Женский силуэт. Разбитое стекло. Кровь. Это была сцена насилия. Или отчаянного побега. И она была напрямую связана с этим предметом.

Я заставил себя нагнуться и поднять сотуар. Он снова был просто тяжелым куском меди. Но теперь я чувствовал исходящий от него холод, который не имел никакого отношения к температуре металла. Я поставил его на стол, но отдельно от остальной посуды.

Артур и миссис Гейбл обменялись быстрыми, многозначительными взглядами. Я это заметил. Они что-то знали. Или, по крайней мере, догадывались. Их молчание было громче любых слов. Они были не просто работниками. Они были хранителями. Часовыми на границе мира живых и памяти этого дома.

– Что вы видели? – вдруг тихо спросил Артур, когда миссис Гейбл отошла к раковине, делая вид, что моет графин.

Я посмотрел на него. Его выцветшие голубые глаза смотрели на меня без насмешки, с глубоко запрятанным пониманием.

– Я не знаю, – честно ответил я. – Образы. Звуки.

– Этот дом... он помнит, – так же тихо продолжил старик. – Помнит все. И иногда... он показывает. Не всем, конечно. Только тем, кто может видеть. Или... чувствовать.

Значит, я не первый. Эта мысль принесла странное, извращенное утешение. Я не сходил с ума в вакууме. Мое безумие имело прецеденты.

– Мой прадед... Аларик... он тоже?

Артур медленно кивнул.

– Он запер эту кладовую не просто так, сэр. Он говорил, что у вещей здесь... дурные сны. Особенно у меди. Говорил, она как зеркало, только отражает не лица, а дела, что рядом с ней творились.

Дурные сны. Какое точное определение. Я снова посмотрел на сотуар. Чей сон я только что увидел? Элеоноры? Или

того, кто был с ней в той комнате?

– Миссис Гейбл, Артур, – позвал я, мой голос обрел твердость. Страх никуда не делся, но теперь под ним появился фундамент из решимости. – Оставьте меня, пожалуйста. Я хочу поработать один.

Они снова переглянулись. В этот раз во взгляде экономки я уловил тень уважения. Она молча кивнула и, забрав Артура, вышла из кухни, плотно притворив за собой дверь.

Я остался один на один с армией медных призраков. Тишина снова стала плотной, но теперь она была наполнена ожиданием. Дом ждал моего следующего шага. Он показал мне новый фрагмент пазла, бросил на стол еще одну карту. Яд в вине. Флакон в руке Элеоноры. Ее слова о том, что ее душа никогда не будет принадлежать Джулиану. А теперь – сцена с разбитым стеклом и кровью.

Я подошел к сотуару. Я больше не боялся его. Я был зол. Зол на этот дом, на эту вековую трагедию, в которую меня втянули против моей воли. Я взял тряпку и с ожесточением принялся тереть его бок, счищая последние пятна патины.

«Что ты мне показал?» – мысленно обратился я к дому, к этому безмолвному разумному существу из дерева и камня. – «Что произошло в той комнате? Это была Элеонора? Кто разбил стекло? Чья это кровь?»

Ответом была тишина. Но я знал, что он слушает.

Я работал до позднего вечера, пока нечищенной посуды не осталось. Вся медная армия теперь сверкала на столе, от-

ражая тусклый свет единственной лампы. Кухня преобразилась. Она стала похожа на операционную, где все инструменты стерильны и готовы к вскрытию. И я был хирургом, которому предстояло препарировать прошлое.

Сотуар-убийца стоял особняком. Я смотрел на него, и видение снова промелькнуло перед глазами, уже не такое яркое, но все еще тревожащее. Красное на темном. Звон стекла. Запах грозы и крови.

Я понял, что мой дар, моя способность чувствовать прошлое через вкус и запах, меняется. Он пробуждался, эволюционировал под влиянием Эвермора. Дом использовал его, расширял, добавляя новые каналы восприятия. Слух. Зрение. Он учил меня своему языку, и уроки становились все более жестокими.

Я подошел к окну и посмотрел во двор. Начинался дождь. Крупные капли барабанили по стеклу, смывая пыль с вековых деревьев. Где-то там, в темноте, за пеленой дождя, была другая жизнь. Мир, где еда – это просто еда, а старая медная кастрюля – просто кастрюля. Но этот мир с каждой минутой, проведенной в Эверморе, казался все более далеким и нереальным.

Мое меню-повествование обретало форму. И первым блюдом в нем, очевидно, должно было стать нечто, приготовленное в этом самом сотуаре. Блюдо со вкусом грозы, с ароматом страха и с металлическим привкусом тайны, еще не пролитой, но уже пролитой крови. Я еще не знал рецепта,

но я знал главный ингредиент. Им была память. И я, Эдгар Лакруа, был вынужден стать ее дегустатором.

Глава 5 Рецепты Забытого Страх

Тяжесть медного сотуара в моих руках была тяжестью утопленника. Металл, холодный и мертвый, казалось, все еще хранил отпечаток грозовой ночи, пах озоном, паникой и пролитой кровью. Артур и миссис Гейбл отступили, их лица – пергаментные маски, на которых дом начертал древний, знакомый им страх. Они видели не меня, Эдгара Лакруа, а очередного безумца, решившего заговорить с Эвермором на его родном языке – языке боли.

– Он... показывает вам, сэр, – прошептал Артур, его голос был сух, как осенний лист. – Как и хозяину Аларику. Он тоже видел... сны наяву.

«Сны наяву». Какое деликатное определение для этого сенсорного насилия. Я стиснул ручку сотуара. Ярость Джулиана, холодная и острая, как осколок стекла, пронзила меня. Он жаждал знать, чья кровь, чей крик. Скорбь Аларика, напротив, окутала меня тяжелым саваном, шепча, что знание – это лишь еще один круг ада. А я, Эдгар, повар, чьим единственным оружием были нож и огонь, стоял между этими двумя призраками, зажав в руках проклятый артефакт.

– Мне нужно в архивы, – мой голос прозвучал тверже, чем я ожидал. Решимость, рожденная на дне отчаяния, была единственным, что еще оставалось моим. – Мистер Стерлинг упоминал, что все документы поместья хранятся здесь.

Я начинаю работу над меню.

Миссис Гейбл, до этого момента неподвижная, словно вырезанная из эбенового дерева, едва заметно кивнула. В ее глазах не было ни удивления, ни сочувствия – лишь смиренное ожидание. Она была частью этого дома, его молчаливым органом, знающим все циклы его пищеварения.

– Библиотека на втором этаже, восточное крыло, сэр. Хозяин Аларик провел там последние годы. Он запер ее, когда... перестал искать ответы.

«Перестал искать ответы». Эта фраза повисла в затхлом воздухе кладовой, как приговор.

Я понес сотуар на кухню, словно священную реликвию или орудие убийства. Он был и тем, и другим. Я водрузил его на стальную столешницу с глухим, недовольным стуком. Кухня встретила меня враждебной тишиной. Запахи вчерашней трагедии – кладбищенской земли и горьких слез – истончились, но не исчезли, затаившись в углах, как пауки. «Воля Места» наблюдала за мной, ожидая следующего шага в этой гастрономической пытке.

Я решил оставить сотуар здесь, на виду. Пусть он будет моим напоминанием, моим вызовом. Первое блюдо я приготавливаю в нем. Я не просто расшифрую заключенное в нем воспоминание – я заставлю его заговорить, разложу его на составляющие, как сложное соус, и пойму его суть.

Путь в библиотеку был путешествием в сердце тьмы. Восточное крыло дышало запустением. Здесь пыль лежала не

тонким слоем, а тяжелыми бархатными сугробами. Портреты на стенах смотрели на меня с одинаковым выражением вековой усталости. Их глаза, казалось, следили за мной, но не с любопытством, а с апатией тех, кто видел эту пьесу уже сотни раз.

Дверь в библиотеку была из мореного дуба, с тяжелой латунной ручкой. Ключ, выданный миссис Гейбл, повернулся в замке с протестующим скрежетом. Я толкнул дверь, и в нос ударил концентрированный «Эфир Воспоминаний». Это был не просто запах старых книг. Это был аромат времени, спрессованного в страницы. Запах угасших надежд, высохших чернил, которыми были написаны любовные письма и завещания; тонкий, почти неощутимый аромат лаванды, которую Элеонора, как я уже знал из обрывков видений Аларика, любила засушивать между страницами, и въедливый, кислый запах страха, пропитавший саму древесину полок.

Библиотека была огромной, двухъярусной, с винтовой лестницей, ведущей к галерее под самым потолком. Круглое окно под куполом, затянутое паутиной, пропускало единственный столб большого, серого света, в котором кружились пылинки – пепел сожженных мгновений. Тысячи книг стояли на полках, корешок к корешку, молчаливые свидетели.

Я искал не просто кулинарные книги. Я искал нечто личное, рукописное. Нечто, к чему прикасались руки Элеоноры. Воспоминания Аларика подсказали мне направление: он часто видел ее сидящей у окна, в большом вольтеровском

кресле, с книгой в кожаном переплете на коленях.

Кресло стояло на своем месте, покрытое чехлом, похожим на саван. Я снял его, и облако пыли взметнулось вверх, заплясав в солнечном луче. Рядом с креслом, на маленьком столике, лежал одинокий том. Небольшая книга в переплете из темно-зеленой кожи с тиснением в виде увядшей розы. На ней не было названия. Я открыл ее с замиранием сердца.

Это был не дневник. Это была книга рецептов. Но какая! Каждая страница была исписана каллиграфическим почерком Элеоноры. Элегантные, летящие буквы складывались в названия блюд, которые звучали как стихи: «Голубиное фри-касе с весенними травами», «Миндальный бламанже с сахаренными фиалками», «Консоме "Небесное утешение"». Но между строк, на полях, другим почерком, более резким и отчаянным, были сделаны пометки.

«Добавить каплю настойки белладонны. Для блеска глаз».

«После этого блюда Джулиан всегда засыпает, как дитя. Спит и не видит моих снов».

«Тимьян заглушает горечь. Почти».

Я перелистывал страницы, и когнитивный диссонанс нарастал. Прекрасные, изысканные рецепты были испещрены этими ядовитыми комментариями, превращая кулинарную книгу в гримуар, в руководство по тихой, отчаянной войне, которую Элеонора вела на своей кухне. Это было ее поле битвы, а ингредиенты – ее оружие. Она не просто готовила. Она колдовала.

Мой взгляд остановился на рецепте под названием «Суфле из диких ягод "Последний закат"». Ингредиенты были просты: лесные ягоды, яичные белки, сахар, немного ликера. Но на полях, рядом с аккуратным перечислением, была сделана всего одна пометка, выведенная дрожащей рукой, чернила почти прорвали тонкую бумагу: «Волчья ягода красивее. Тот же цвет, но иная песня».

Волчья ягода. Яд.

Я понял. Эти блюда, ее любимые блюда, не были источником наслаждения. Они были экспериментами. Маскировкой. Каждое из них несло в себе отголосок ее отчаяния, ее боли, ее тайных мыслей. И дом, этот всепожирающий архив, запомнил не вкус ягодного суфле. Он запомнил вкус яда, который она мечтала в него добавить. Он впитал в себя не аромат жаркого, а запах ее страха.

Вот почему моя паста превратилась в прах. Дом не искажал мое настоящее. Он показывал мне истинный вкус прошлого.

С этой мыслью я вернулся на кухню. Медный сотуар ждал меня, тускло поблескивая в полумраке. Я знал, что должен делать. Я не буду готовить что-то сложное. Я приготовлю самое простое, базовое блюдо, которое позволит металлу раскрыться. Я приготовлю бульон. Основу основ. Квинтэссенцию вкуса.

Я наполнил сотуар чистой водой, поставил его на огонь. Затем я начал готовить овощи: морковь, лук, сельдерей. Я

резал их с методичностью хирурга, сосредоточившись на движении ножа, на хрусте, на запахе. Это был мой ритуал, мой способ удержаться на краю пропасти. Джулиан внутри меня требовал крови, мяса, яростного пламени. Аларик шептал о тщете всего сущего. Я заставил их замолчать, приказав себе быть только поваром.

Когда вода в сотуаре начала нагреваться, «Эхо» проснулось. Сперва едва заметно. Легкий, почти неощутимый запах озона, как после далекой грозы. Я бросил овощи в воду. В тот момент, когда они коснулись нагретого дна, видение ударило с новой силой. Но на этот раз оно было иным. Более полным.

Я не просто видел силуэт у окна. Я был рядом. Я слышал рев ветра за стеклом и истеричный стук дождя по карнизу. Я чувствовал холод, идущий от каменного пола. Крик был не просто звуком – он вибрировал в моих костях. Это был крик не столько страха, сколько животной боли и потери. И кровь... Я видел, как она расплывается по светлому платью, не алая, а темная, почти черная в сумраке комнаты. Она текла не из раны от ножа или пули. Она текла изнутри.

Я стоял у плиты, помешивая бульон деревянной ложкой, а перед глазами стояла эта сцена. Вода в сотуаре закипела, и вместе с паром из него поднялся новый запах. Запах металла. Запах крови. Запах соли, но не поваренной, а той, что выступает на коже от ужаса и на губах от слез.

Бульон медленно варился. Цвет его менялся. Из золоти-

стого, каким он должен был быть, он становился мутно-бурым, с красноватыми прожилками, словно в него добавили каплю крови. Я знал, что это иллюзия, игра моего воспаленного восприятия, подпитываемая «Волей Места». Но запах был реален. Он заполнил кухню, вытесняя все остальные ароматы. Это был запах трагедии.

Я процедил бульон в чистую миску. Жидкость была пугающе темной, но прозрачной. На дне сотуара остался лишь тонкий налет, похожий на ржавчину. Я взял ложку. Руки слегка дрожали.

«Не делай этого», – шептал Аларик, полный сострадания к боли, которую я вот-вот испытаю.

«Пей! Узнай!» – рычал Джулиан, одержимый жадной истины, какой бы уродливой она ни была.

Я зачерпнул немного бульона. Поднес ложку ко рту. Пар обжег лицо запахом грозы и железа.

Первый вкус был обманчиво чист. Вкус овощей, воды, тепла. Утешающий, простой. Но затем, на корне языка, раскрылся второй слой. Металлический, солоноватый привкус. Вкус крови. Не моей, не животной. Вкус женской крови, полной боли и отчаяния. А за ним пришел третий вкус, самый страшный. Едва уловимая, но всепроникающая горечь. Горечь лекарственных трав. Тех самых, что упоминались на полях книги рецептов. Горечь полыни, руты... и чего-то еще. Чего-то, что должно было принести избавление, но принес-

ло лишь муку.

И тут я понял.

Крик. Кровь на платье, идущая из лона. Запах озона – не от грозы, а от разряда нечеловеческой боли. Это не было убийство. Это был выкидыш. Спровоцированный. Отчаянная попытка избавиться от ребенка Джулиана, от последнего звена цепи, приковавшей ее к этому дому. Флакон, который дал ей Аларик... он не был ядом для мужа. Он был ядом для плода. Для ее будущего.

Видение вспыхнуло в последний раз, ослепительно и ясно. Элеонора на полу, в луже крови. Джулиан, врывающийся в комнату, его лицо искажено не яростью, а ужасом и непониманием, которое сменяется звериной яростью обманутого собственника. Он потерял не жену. Он потерял наследника. Свое продолжение. Свое бессмертие.

Ложка выпала из моей руки и со звоном ударилась о каменный пол.

Я стоял посреди кухни, этого оскверненного святилища, и меня трясло. Я только что попробовал на вкус самую страшную тайну Элеоноры. Я съел ее боль, ее грех, ее жертву. Дом не просто показал мне это. Он заставил меня пережить это на самом интимном, самом глубинном уровне – через вкус. Он сделал меня соучастником.

Я посмотрел на книгу рецептов, оставленную на столе. «Суфле из диких ягод "Последний закат"». Теперь я знал, что это не просто название. Это было обещание. Ее послед-

няя, неудавшаяся попытка уйти в закат, даже ценой собственной жизни и жизни нерожденного дитя.

«Воля Места» была довольна. Я чувствовал это. Я был идеальным инструментом, чувствительным резонатором, способным оценить все нюансы ее проклятого меню. Я был не шеф-поваром. Я был главным дегустатором в театре мертвецов, и представление только начиналось.

Внутри меня ярость Джулиана сменилась ледяным, мертвым горем. Он понял, что его предали так, как он и представить себе не мог. А скорбь Аларика обрела новый, более темный оттенок – вину. Он дал ей этот флакон. Он помог ей совершить это.

Любовный треугольник оказался сложнее, страшнее. Это была не просто история о ревности. Это была история о клетке, отчаянном побеге и цене, которую пришлось заплатить всем троим.

Я медленно подошел к столу и открыл книгу на следующей странице. «Паштет из перепелов "Молчание"». На полях была лишь одна короткая фраза, написанная твердым, решительным почерком.

«Некоторые секреты лучше съесть».

Холод пробежал по моей спине. Я понял, что каждое блюдо в этой книге – это глава трагедии. И чтобы узнать всю историю, мне придется приготовить и съесть их все. Одно за другим. Я заперт в Эверморе не с призраками прошлого. Я заперт на кухне с их рецептами. И каждый из них – смер-

тельный яд для души.

Глава 6 Шепот Каменных Призраков

Сон начался не с образа, а со вкуса. Вкус сырой, жирной земли, набившейся в рот, скрипящей на зубах, с привкусом дождевых червей и гниющих корней. Он был настолько реальным, что я инстинктивно попытался выплюнуть его, но не мог – мое тело во сне было парализованным сосудом для чужих ощущений. Затем пришел запах – удушливый, приторно-сладкий аромат горького миндаля, пропитавший самую ткань сновидения. Он забивал ноздри, царапал горло, обещая не утешение, а тихую, элегантную смерть. На языке, смешиваясь с грязью, оседал пепел. Не пепел от костра, теплый и древесный, а холодный, тонкий прах сожженных писем, сожженных тайн. И, наконец, осязание: по моим щекам, по губам скользил прохладный, гладкий шелк. Нежный, как последнее прощание.

Я проснулся рывком, сев на кровати. Сердце колотилось о ребра, как птица, бьющаяся о прутья клетки. Холодный пот стекал по вискам, а во рту стоял фантомный привкус – земля, миндаль, пепел. Я откинул одеяло и бросился в ванную, едва успев склониться над раковиной. Меня рвало, но из горла вырывались лишь горькие спазмы. Никакой земли, никакого яда. Лишь ужас, ставший почти физической субстанцией.

Две тени в моем сознании отреагировали по-разному. Ярость Джулиана, после откровения с бульоном ставшая ледяным, собственническим горем, теперь превратилась в глухую, пульсирующую пустоту. Он не понимал, что это было, но ощущал осквернение, нарушение его порядка, его мира. Скорбь Аларика, напротив, сгустилась до осязаемой вины. Он знал. Он знал этот вкус, этот запах. Его молчаливое страдание было тяжелее любого крика. Оно давило на мои плечи, старило мое лицо в отражении зеркала. Я видел в своих глазах его вековую печаль.

День не принес облегчения. Эвермор перестал играть в тонкие намеки. Теперь он говорил со мной на языке полтергейста, на примитивном наречии страха. Я спустился на кухню, свое единственное убежище, которое уже было осквернено, и обнаружил, что медный сотуар, который я вчера тщательно вычистил и повесил на крюк над разделочным столом, лежал на полу посреди комнаты. Не упал, а именно лежал, словно его аккуратно поставили. На его медной поверхности не было ни вмятины.

– Миссис Гейбл? – позвал я, хотя знал, что экономка приходит позже.

Ответом мне была тишина, но тишина живая, наблюдающая. Я поднял сотуар, холодный металл обжег пальцы. Внутри меня Джулиан негодовал: беспорядок, неповиновение вещей, нарушение его воли. Аларик молчал, его тишина была тяжелой, как надгробный камень.

Я решил проигнорировать это. Работа. Работа была якорем. Мне нужно было создать «меню-повествование», и следующей главой этой съедобной хроники должен был стать «Паштет из перепелов 'Молчание'». Я достал гримуар Эленоры. Страница с рецептом была почти чистой, в отличие от других, испещренных пометками. Лишь аккуратный, каллиграфический заголовок и короткая инструкция. Ингредиенты были классическими: перепелиные тушки, гусиная печень, коньяк, трюфельное масло, специи. Но в самом конце, выведенная бледными чернилами, стояла приписка: «Для сохранения тишины – щепоть *Amygdalus amara*». Миндаль горький. Смертельный яд в малых дозах, источник цианида. Аромат из моего сна.

И еще одна фраза на полях, та самая, что не давала мне покоя: «Некоторые секреты лучше съесть».

Я замер, глядя на рецепт. Это было не блюдо. Это был ритуал. Уничтожение улики. Превращение тайны в пищу, чтобы она растворилась в теле, стала частью плоти и крови, и никогда не была произнесена вслух. Мой дар был не просто способностью. Он был ключом, который Сущность Места вложила мне в руки, заставляя отпирать самые темные свои казематы.

Пока я обдумывал это, с полки над плитой с шелестом соскользнула и упала на пол жестяная банка с лавровым листом. Она прокатилась по каменным плитам и замерла у моих ног. Я поднял ее. Она была плотно закрыта и стояла да-

леко от края. Она не могла упасть сама. Дом играл со мной. Он торопил меня.

Позже пришла миссис Гейбл. Ее лицо было бледнее обычного, а под глазами залегли тени. Она двигалась по дому с удвоенной осторожностью, словно боясь наступить на невидимую мину.

– Доброе утро, мистер Лакруа, – ее голос был напряженным, как струна.

– Доброе, – ответил я, наблюдая за ней. – Ночь была беспокойной.

Она вздрогнула и выронила стопку льняных салфеток. Салфетки бесшумно опали на пол.

– Дом... он иногда бывает шумным, – пробормотала она, поспешно собирая их. – Старые трубы, ветер в дымоходе. Вы привыкнете.

– Это был не ветер, миссис Гейбл. Вещи двигались сами по себе.

Она выпрямилась, и на мгновение в ее глазах я увидел не страх, а глубокую, застарелую усталость. Она знала гораздо больше, чем говорила.

– Ваш прадед, мистер Аларик, говаривал, что у Эвермора есть свои настроения. Как у старого, капризного человека. Иногда он ворочается во сне и роняет вещи с ночного столика. Не стоит обращать внимания. Он не желает зла. Он просто... помнит.

– Помнит что? – нажал я. – Историю о «пропавшей неве-

сте»?

Лицо миссис Гейбл стало непроницаемым, как камень. Она поджала губы.

– Слухи, мистер Лакруа. Пустые деревенские сплетни. Миссис Вейнрайт была хрупкой, меланхоличной натурой. Говорят, она просто сбежала. Не вынесла одиночества в этом большом доме.

– А мистер Джулиан? Он просто позволил ей сбежать? Судя по тому, что я чувствую, он скорее сжег бы весь мир, чем отпустил ее.

Внутри меня всколыхнулась ледяная волна собственнической ярости Джулиана, и экономка отшатнулась, словно ощутив ее физически.

– О прошлом лучше не говорить, сэ. Особенно здесь. Стены слушают. И им не нравится, когда тревожат их покойников.

Она поклонилась и быстро вышла, оставив меня наедине с гримуаром Элеоноры и гробовым молчанием кухни. Стены слушают. Нет, они не просто слушают. Они участвуют. Они режиссируют. И сегодня в их пьесе была премьера нового акта.

Я решил не использовать настоящий горький миндаль. Моя цель – понять, а не умереть. Но я знал, что Воля Места найдет способ передать мне нужный вкус. Я отправился в сад, где Артур подрезал разросшиеся кусты роз. Его лицо, обычно невозмутимое, тоже хранило печать тревоги.

– Артур, мне нужны перепела. Если есть возможность, добудьте, пожалуйста.

Он кивнул, не глядя на меня.

– Будет сделано, мистер Лакруа. Дом сегодня не в духе, да?

– Вы тоже это чувствуете?

– Я это слышу, – он выпрямился и потер спину. – Ночью, в оранжерее. Будто кто-то ходил по гравию. Босыми ногами. А потом кто-то плакал. Тихо-тихо, как ребенок. Я работаю здесь сорок лет. Я знаю все звуки Эвермора. Этого звука я раньше не слышал.

Плач ребенка. Мое сердце пропустило удар. Выкидыш. Кровь на полу. Неужели дом теперь оплакивал нерожденное дитя?

К вечеру Артур принес четырех перепелов. Я принялся за работу. Кухня превратилась в сцену. Каждое мое движение ощущалось выверенным, срежиссированным. Я обжаривал крошечные тушки, и аромат жареной дичи смешивался с фантомным запахом миндаля, который, казалось, сочился из самих стен. Я фламбирывал их в коньяке, и синее пламя на мгновение высветило в темном окне отражение – искаженное, скорбное лицо Аларика, смотрящее мне через плечо. Я вздрогнул, обернулся – никого.

Призраки во мне стали активнее. Джулиан требовал совершенства. Его внутренняя ярость трансформировалась в холодную, перфекционистскую одержимость. Паштет дол-

жен быть идеальным, достойным его имени, его дома. Каждое движение ножа, каждый поворот лопатки. Аларик же страдал. Каждый аромат, напоминавший о том дне, был для него пыткой. Запах жареной дичи – запах пира, который предшествовал трагедии. Запах коньяка – напиток, которым они, возможно, пытались заглушить случившееся.

Я измельчил мясо, смешал его с гусиной печенью, сливками и травами. Масса была нежной, шелковистой. Я не добавлял миндаль, но его аромат становился все сильнее, пока не начал вызывать тошноту. Я заложил паштет в террин и поставил его на водяную баню в духовку. Пока он готовился, я сел за стол и закрыл глаза.

Шорохи усилились. Теперь это был не просто скрип половиц. Я слышал шелест шелкового платья где-то в коридоре. Тихое, сдавленное рыдание из кладовой. Звяканье стекла, будто кто-то поставил на стол маленький флакон. Эхо Прошлого больше не было привязано к предметам. Оно свободно бродило по дому, сгушаясь и растворяясь, как туман. Эфир Воспоминаний стал плотным, вязким, я почти видел его дрожание в воздухе.

Когда таймер прозвенел, я вынул террин. Аромат был божественным и отвратительным одновременно. Запах роскошного ужина смешивался с запахом свежевырытой могилы. Я дал паштету остыть, а затем нарезал тонкий ломтик и положил его на кусок поджаренного хлеба.

Мои руки дрожали. Я был не поваром, представляющим

свое блюдо. Я был судмедэкспертом, готовящимся произвести вскрытие. Я был священником на пороге черной мессы, где вместо причастия мне предстояло вкусить грех.

Я поднес хлеб ко рту.

Первый вкус – безупречный. Нежный, маслянистый паштет, вкус дичи, усиленный коньяком и тонкими нотками трюфеля. Это был вкус обмана, вкус красивого фасада, за которым прячется чудовищная правда. Это был вкус Джулиана – элегантность, богатство, поверхностное совершенство.

А затем, на послевкусии, пришло оно.

Вкус не был вкусом. Это было ощущение. Холод. Не холод холодильника, а холод земли глубокой осенью. Вкус сырости, мха, тлена. И горечь. Не горечь миндаля, а горечь невыплаканных слез, горечь вины, въевшейся в самую душу. Вкус Аларика.

И видение накрыло меня.

*Я не был собой. Я был Алариком. Мои руки, его руки, сжимали небольшую деревянную лопатку. Ночь. Сад за домом. Луна прячется за тучами, и лишь тусклый свет из окна библиотеки бросает длинные, уродливые тени от голых ветвей деревьев. Воздух холодный и пахнет дождем. И землей. Свежевырытой землей. Передо мной – неглубокая яма у подножия старого дуба. Рядом на земле лежит сверток из дорогого, белого шелка. Свадебного шелка. Он перепачкан землей и чем-то темным, влажным. Я знаю, что внутри. Крошечное, не успевшее стать человеком тельце. Дитя Джулиана.

на и Элеоноры. Плод, который она исторгла из себя с криком и кровью.*

Я слышу ее голос за спиной. Он слаб, разбит, но в нем стальная решимость.

«Никто не должен знать, Аларик. Никто. Он не получит ничего от меня. Даже это».

Я смотрю на нее. Элеонора стоит в тени, закутанная в темный плащ. Ее лицо в лунном свете похоже на мраморную маску. Она не плачет. Ее горе слишком велико для слез. Оно превратилось в яд, отравивший ее изнутри.

«Это грех», – шепчу я, и слова кажутся чужими в моем рту.

«Самый большой грех – жить во лжи, – отвечает она. – Помоги мне, Аларик. Помоги мне похоронить эту ложь. Съесть этот секрет».

Слова из ее гримуара. Она сказала это тогда. А потом записала. Превратила ритуал сокрытия в рецепт. Я опускаю сверток в яму. Он кажется невесомым. Слишком маленьким для такой огромной тайны. Я начинаю засыпать его землей. Каждый ком, падающий на шелк, отзывается глухим ударом в моем сердце. Вкус земли из моего сна – это вкус моей вины, моего соучастия. Запах миндаля – это аромат ее отчаяния, ее готовности пойти на все, чтобы освободиться. Пепел – это прах их несостоявшейся семьи. Шелк – его саван.

*Когда я заканчиваю, земля почти нетронута. Я утапываю ее, разбрасываю сверху старые листья. Могила невиди-

ма. Секрет похоронен. «Съеден» землей.*

«Теперь иди, – говорит Элеонора. – Он ничего не заподозрит. Он празднует свою победу».

И я ухожу, оставляя ее одну в темноте у безымянной могилы. На моих руках и в моей душе – холодная, влажная земля.

Видение оборвалось. Я сидел на кухне, глядя на недоеденный кусок хлеба с паштетом. По щекам у меня текли слезы. Но это были не мои слезы. Это были слезы Аларика Вейнрайта, моего прадеда, соучастника, хранителя страшной тайны.

Я попробовал на вкус молчание. И оно было отвратительным.

Паранормальные явления в доме были не хаотичными проделками призраков. Это были детальки пазла. Плач ребенка в оранжерее. Шелест шелкового платья – платья, в которое она завернула свое дитя. Запах земли, пропитавший весь дом. Эвермор не просто помнил. Он заново переживал травму, как человек с посттравматическим синдромом. А я был его психотерапевтом, вынужденным принимать его боль на свой язык.

Призрачные сущности внутри меня пришли в движение. Горе Джулиана, не знавшего правды, превратилось в нечто иное – в холодное недоумение обманутого собственника. Он потерял не только жену, он потерял наследника, даже не зная о его существовании. Его трагедия была трагедией слепого тирана. А вина Аларика стала почти невыносимой. Он не

просто любил женщину своего брата. Он помог ей совершить страшное – и похоронить его последствия. Он был хранителем могилы, о которой никто не знал.

Я встал и подошел к окну, выходявшему в сад. Где-то там, под сенью старых деревьев, была крошечная, безымянная могила. Секрет, который Элеонора пыталась «съесть», похоронить навсегда, теперь был воскрешен. И я был тем, кто его воскресил.

Но история была не окончена. Я раскрыл тайну «пропавшей невесты» – она не пропала, она боролась. Я раскрыл тайну крика и крови – это был не выкидыш, а аборт. Я раскрыл тайну паштета «Молчание» – это был ритуал сокрытия. Но главный вопрос оставался без ответа. Что стало с самой Элеонорой? Ведь слухи говорили, что пропала она. Не ее ребенок.

Дом показал мне начало и середину трагедии. Но он молчал о финале. Я посмотрел на гримуар, лежавший на столе. Должен быть еще один рецепт. Последний. Блюдо, которое расскажет мне о ее собственной судьбе. И я до смерти боялся того, какой вкус будет у этой последней тайны.

Внезапно в коридоре раздался оглушительный грохот, будто упал тяжелый шкаф. Я выскочил из кухни. Посреди холла, где ничего не было, на полу лежал большой портрет в тяжелой позолоченной раме. Он сорвался со стены. Стекло треснуло, но не разбилось. На портрете, написанном маслом, была изображена молодая женщина с печальными глазами

и едва заметной, загадочной улыбкой. Элеонора. Она смотрела прямо на меня, и в ее взгляде я прочел немой вопрос, вызов и предупреждение.

Дом только что указал мне на следующую главу своей истории. И я понял, что дегустация еще не окончена. Самое страшное блюдо было впереди.

Глава 7 Ингредиенты Искаженного Прошлого

Грохот расколол тишину особняка, как удар топора по замерзшему озеру. Я стоял в холле, парализованный, глядя на то место на стене, где еще мгновение назад висел портрет Элеоноры. Теперь там зияла бледная, пыльная пустота, а сама картина лежала на полу, лицом вверх, неповрежденная, словно ее не сбросила слепая гравитация, а аккуратно положила невидимая рука. Рама из черненого дуба уцелела, стекло не треснуло. И сквозь вековую лаковую дымку на меня смотрели ее глаза.

Это не было падение. Это был жест. Заявление. Сущность Эвермора, уставшая от моих робких дегустаций, швырнула мне под ноги следующий ингредиент. И взгляд Элеоноры, прежде казавшийся мне меланхоличным, теперь источал холодный, вызывающий блеск. Он не просил о помощи. Он предупреждал.

Внутри меня всколыхнулись чужие страсти. Ярость Джулиана – ярость собственника, чье имущество посмело выказать волю, – обожгла горло кислотой. «Повесить обратно! Заставить ее смотреть со своего места!» – рычал он в глубине моего черепа. А скорбь Аларика, тихая и всепроникающая, как болотный туман, шептала иное: «Она никогда не принад-

лежала стене. Она никогда не принадлежала этому дому». Моя собственная воля, тонкая нить между этими двумя жерновами, натянулась до предела.

Нет. Хватит. Я не буду играть по правилам этого места. Я не буду послушно подбирать брошенные мне кости и обсыпывать их в поисках крупниц правды. Я – Эдгар Лакруа. Я – шеф-повар. И я заставлю этот дом говорить на моем языке.

Решение пришло с неожиданной ясностью, острой, как лезвие свежезаточенного ножа. Я не притронусь к этому портрету. Я проигнорирую его. Вместо этого я начну работу над «меню-повествованием», тем самым проектом, который мистер Стерлинг считал лишь маркетинговой уловкой. Для меня же это стало актом восстания. Я создам свою историю внутри этой проклятой темницы из дерева и камня. Я наполню его коридоры ароматами жизни, а не тлена. Я заставлю Эвермор подавиться моим искусством, моим настоящим, вытесняя его гниющее прошлое.

На следующий день, после напряженного разговора со Стерлингом, в котором я настоял на немедленной поставке лучших продуктов, к воротам Эвермора подъехал рефрижератор. Его современный, белый корпус выглядел инородным телом на фоне замшелых стен и плачущих горгулий. Два грузчика, ежась под тяжелым взглядом особняка, молча и быстро выгружали ящики, коробки и контейнеры. Это был мой арсенал. Мое вторжение.

Я встречал их на пороге кухни, ощущая себя генералом,

принимаящим поставку оружия перед решающим сражением. Воздух звенел от предвкушения. Впервые за все время пребывания здесь я чувствовал не страх, а азарт. Аромат свежей выпечки из моего прошлого, звон ножей о доску, шипение масла на сковороде – эти воспоминания стали моей броней.

Миссис Гейбл, с ее вечно поджатыми губами, наблюдала за процессом с нескрываемым скепсисом.

– Столько всего, мистер Лакруа, – проговорила она, когда последний ящик был занесен в огромную кладовую-холодильник, встроенную в толщу каменной стены еще в начале двадцатого века. – Словно вы собираетесь кормить полк.

– Я собираюсь сотворить магию, миссис Гейбл, – ответил я, срывая крышку с деревянного ящика. В нос ударил густой, землистый аромат, от которого на мгновение перехватило дух. Белые трюфели из Альбы. Каждый – размером с кулак ребенка, завернутый в тонкую бумагу, как бесценное сокровище.

– В этом доме своя магия, – пробормотала она себе под нос, но я ее услышал. – И она не любит соперников.

Я проигнорировал ее слова. Я распаковывал сокровища, и с каждым новым ароматом призраки внутри меня затихали, отступая перед силой настоящего. Вот брестские пулярки, с

их синеватыми лапками и кожей, тонкой, как пергамент. Вот коробки с шоколадом Valrhona, источающие сложный букет из какао, фруктов и табака. Свежайшие лангустины, уложенные на лед, пахли морем и озоном. Спаржа из Прованса, тугие зеленые копыа, пахла весной и влажной землей.

Это был симфонический оркестр запахов и текстур, противостоящий монотонной похоронной мессе Эвермора. Я расставлял контейнеры на стеллажах в холодной комнате, проверяя термометр. Идеальные четыре градуса по Цельсию. Влажность – в норме. Старая, но надежная немецкая система охлаждения гудела ровно и уверенно. Здесь, в этом стерильном царстве холода и стали, прошлое не имело власти. Так я думал.

Весь остаток дня я провел, составляя меню. Не то, которое диктовал дом, а свое собственное. «Пробуждение Эвермора». Первое блюдо – «Шепот сада на рассвете»: карпаччо из гребешков с эмульсией из молодой спаржи и трюфельным маслом. Легкое, чистое, звенящее жизнью. Оно должно было стать моим заявлением: рассвет наступил. Ночь окончена. Я работал до поздней ночи, исписывая страницы блокнота, рисуя схемы подачи, подбирая вина. Впервые я чувствовал себя собой. Ярость Джулиана и скорбь Аларика превратились в едва слышный фон, как шум далекого прибоя. Я засыпал с улыбкой, вдыхая фантомный аромат трюфелей и моря.

Утро встретило меня тишиной. Не той обычной, гнетущей тишиной старого дома, а какой-то звенящей, выжидающей

пустотой. Даже птицы за окном молчали. Необъяснимая тревога, холодная и липкая, как паутина, коснулась затылка. Я спустился на кухню. Все было на своих местах: медные сотуары тускло поблескивали на крюках, ножи лежали в идеальном порядке.

Я направился к кладовой-холодильнику. Потянул тяжелую, обитую металлом дверь. И замер.

В нос ударил не запах. Это был удар. Физический, осязаемый удар зловония, от которого заслезились глаза и к горлу подкатила тошнота. Но это был не просто запах гниения. Обычная порча пахнет предсказуемо – кислым молоком, сернистым душком разлагающегося белка, сладковатой вонью плесени. Это было нечто иное.

Это был запах концентрированного отчаяния.

Я заставил себя сделать шаг внутрь, зажав нос рукавом халата. Гудящий компрессор поддерживал все те же четыре градуса. Но то, что я увидел, опровергало все законы физики и микробиологии.

Мои прекрасные трюфели, жемчужины Пьемонта, превратились в серую, осклизлую труху, от которой исходил тонкий, едва уловимый аромат... паники. Не грибов, не земли, а именно первобытного, животного ужаса. Пулярки, еще вчера бывшие эталоном качества, лежали в лотках сморщенные, их кожа покрылась узором из темно-фиолетовых пятен, напоминающих трупные. От них пахло не испорченной птицей, а застарелым горем, как от старой, нестиранной одежды

в комнате покойника.

Лангустины растаяли, превратившись в мутную розовую жижу, на поверхности которой плавали их пустые панцири. Запах моря исчез, сменившись тошнотворным запахом застойной воды и безнадежности. Спаржа почернела и сгнила, превратившись в нити, источающие запах сырой могильной земли. Но самым страшным был шоколад. Плитки Valrhona не расплавились и не покрылись налетом. Они «плакали». Из их идеально гладкой поверхности сочились густые, черные капли, пахнувшие не какао, а жженой горечью предательства. Той самой горечью, что я ощутил во вкусе отравленного свадебного вина.

Я отшатнулся, ударившись спиной о дверной косяк. Этого не могло быть. За одну ночь. В идеальных условиях. Это было невозможно.

Мой разум, разум шеф-повара, перфекциониста, человека, знающего все о процессах ферментации и распада, отчаянно цеплялся за логику. Диверсия? Но кто? Миссис Гейбл? Старый Артур? Бред. Неисправность оборудования? Но термометр показывал четыре градуса, компрессор работал. Перепад напряжения? Но свет в доме не гас.

Я, как одержимый, начал свое расследование. Осмотрел каждый сантиметр холодильной камеры. Никаких следов взлома. Дверь была заперта на ночь. Вентиляция чиста. Я проверил проводку, ощупал уплотнители на двери. Ничего. Абсолютно ничего, что могло бы объяснить эту тотальную,

молниеносную порчу.

– Мистер Лакруа? Что случилось? – голос миссис Гейбл за спиной заставил меня вздрогнуть.

Я молча указал внутрь. Она заглянула, ахнула и прижала руку ко рту. Ее лицо, обычно непроницаемое, исказилось смесью ужаса и... странного, мрачного понимания.

– Дом... – прошептала она. – Он не принял их.

– Что за чушь, миссис Гейбл! – взорвался я, и ярость Джулиана на мгновение взяла верх. – Продукты не могут «не приниматься» домом! Это физика, химия! Должно быть объяснение!

В этот момент в кухню вошел Артур, привлеченный моим криком. Он заглянул в холодильник через наше плечо, и его морщинистое лицо не выразило удивления. Лишь тяжелую, застарелую печаль.

– Объяснение есть, сэр, – тихо сказал он, снимая свою вечную кепку. – Просто оно вам не понравится. Эвермор... он переваривает все чужое. Переписывает под себя. Ваш прадед, мистер Аларик, как-то пытался посадить в саду розы из Франции. Сорт «Пьер де Ронсар». Прекрасные цветы. А наутро на кустах расцвели черные, как вдовий креп, бутоны без запаха. Дом не любит чужих историй. Он рассказывает только свою.

Его слова были настолько абсурдны и в то же время настолько точно описывали происходящее, что мой гнев сменился ледяным оцепенением. Моя попытка бунта провали-

лась, не начавшись. Мое оружие, мой арсенал вкусов и ароматов, был обращен против меня. Дом не просто уничтожил продукты. Он заразил их своей скорбью. Он превратил их в новые артефакты, пропитанные Эфиром Воспоминаний.

Я смотрел на это кладбище моих надежд, и во мне боролись два желания. Первое – сжечь все это, вычистить кухню, бежать из этого проклятого места, наплевав на наследство и на все тайны. Второе, более темное и настойчивое, исходило от моего дара. Любопытство исследователя, смешанное с мазохизмом дегустатора трагедий.

Что это за концентрированное отчаяние? Чье оно?

Не в силах сопротивляться, я шагнул обратно в холодную камеру. Взгляд упал на ящик с рыбой. Филе дорады, еще вчера упругое и жемчужное, теперь было дряблым и серым, покрытым слизью, которая переливалась перламутром, как нефтяная пленка на воде. Запах был особенно мерзким – смесь тины, ржавого железа и слез.

Я медленно, словно боясь обжечься, протянул руку. Пальцы дрожали. Джулиан внутри меня ревел от омерзения. Аларик молчал, затаившись в ожидании неизбежного. Я, Эдгар, был ведом лишь одним – жаждой понять.

Я прикоснулся.

И мир взорвался.

Это не было похоже на предыдущие видения – ни на полное погружение в сознание другого человека, ни на четкую картину события. Это был чистый, нефильТРованный сен-

сорный шторм. Абсолютная квинтэссенция эмоций, которую продукты впитали за ночь из стен этого дома.

Вкус. Соль. Не морская, а едкая соль высохших слез на щеках. Горечь невысказанных слов, застрявших в горле комком. Металлический привкус страха, от которого немеет язык.

Запах. Затхлый воздух запертой комнаты. Пыль на тяжелых бархатных портьерах, не пропускающих свет. Запах увядающих цветов в вазе, про которые давно забыли. И тонкий, пронзительный аромат женских духов, смешанный с запахом ее панического пота.

Ощущения. Холод полированного дерева под сведенными от напряжения пальцами. Шершавая ткань платья, в которое хочется вжаться, исчезнуть. Давящая тишина дома, в которой каждый скрип половицы звучит как выстрел. И главное – чувство клетки. Ощущение, что стены медленно сдвигаются, что воздух густеет, превращаясь в воду, в которой невозможно дышать.

Это была паника Элеоноры. Ее отчаяние в те дни и ночи, когда она поняла, что свадьба стала не началом новой жизни, а концом ее свободы. Что Эвермор – не дом, а ее гробница. И Джулиан – ее тюремщик.

Я отдернул руку, как от огня, и, пошатываясь, вывалился из холодильника. Дыхание обрывалось судорожными всхлипами. На языке стоял привкус ее безысходности. Миссис Гейбл и Артур смотрели на меня с сочувствием и страхом.

Они не знали деталей, но они видели, что я только что заглянул в бездну.

Я понял. Мой грандиозный план провалился. Эвермор не позволит мне создать здесь ничего нового. Он – замкнутая экосистема боли. Любой внешний элемент, любая попытка привнести жизнь, свет, новую историю будут немедленно атакованы, искажены и поглощены всепожирающей памятью этого места. Продукты не испортились. Они были... ассимилированы. Они стали частью проклятого «меню» самого дома.

Мой взгляд метнулся по кухне и остановился на холле, где на полу все так же лежал портрет. Теперь я смотрел на него иначе. Это был не вызов. Это была инструкция.

Дом не просто указал мне на следующий артефакт. Он позаботился о том, чтобы у меня не осталось других ингредиентов, кроме тех, что он сам мне предложит. Он запер меня в своей кладовой, наполненной лишь одним блюдом в бесконечных вариациях – трагедией Элеоноры.

И ее насмешливый, всезнающий взгляд с портрета, казалось, говорил: «Ты хотел готовить, повар? Что ж, готовь. Но готовить ты будешь из моей боли. Из моего страха. Из моей крови. Добро пожаловать на мою кухню».

Во мне снова заговорил Джулиан, но его ярость была уже иной – холодной, расчетливой яростью проигравшего, который ищет виноватого. «Она отравила все. Даже спустя столько лет она продолжает отравлять все, к чему прикасаешься»

ты». Аларик же молчал, но его молчание было тяжелее любого крика. Это было молчание соучастника, который видит, как его грехи прорастают сквозь время, чтобы поглотить последнего из его рода. Я стоял между ними, опустошенный и побежденный, понимая, что битва проиграна. Я не смогу навязать этому месту свою волю. Я могу лишь подчиниться ему. И съесть то, что оно положит мне на тарелку.

Глава 8 Проклятие Кухонного Очага

Тишина, наступившая после моего поражения, была оглушительной. Она не походила на спокойствие или умиротворение. Это была тишина вакуума, тишина хищника, затаившегося после удачного прыжка. Я стоял посреди кухни, этого оскверненного святилища, и смотрел на останки своего бунта. Испорченные продукты, словно трупы павших в бессмысленной битве солдат, лежали на стальных столах. Каждый из них был не просто гниющим куском материи; он стал артефактом, реликвией отчаяния. Дом не просто уничтожил их – он их ассимилировал, переварил и изверг обратно, наполнив концентрированной эссенцией своей вековой трагедии.

Воздух был густым, как сироп. Он пах не гнилью, а чем-то куда более сложным и жутким: паникой, пропитавшей черные трюфели, безмолвным горем, сочившимся из сероватой плоти курицы, и едкой горечью предательства, исходившей от растаявшего, покрывшегося белесым налетом шоколада. Мой дар, мое проклятие, больше не нуждался в дегустации. Эфир Воспоминаний был настолько плотным, что я вдыхал его, он оседал на языке, проникал сквозь кожу. Я был маринован в чужой боли.

Мой взгляд метнулся к двери, ведущей в холл. Туда, где на полу, словно поверженный идол, лежал портрет Элеоноры. Ее нарисованные глаза, казалось, следили за мной даже оттуда, из полумрака. Насмешливый, вызывающий взгляд победительницы. Она знала. Или, вернее, *оно* знало – Сущность Места, Воля Эвермора. Дом лишил меня инструментов, отнял возможность творить жизнь, оставив лишь один путь: работать с мертвечиной. Готовить из страха, отчаяния и скорби.

Капитуляция. Это слово отдавало вкусом ржавчины и холодной земли. Но другого выхода не было. Я проиграл эту битву. Чтобы выиграть войну – если это вообще было возможно, – я должен был принять правила игры. Я должен был стать тем, кем меня хотело видеть это место: не шеф-поваром, а некромантом от кулинарии. Дегустатором проклятых блюд.

С тяжелым вздохом, который, казалось, вырвался из легких не моих, а Аларика, я подошел к столу. Призрак прадеда внутри меня сжался от чувства вины и безысходности. Ярость Джулиана, напротив, закипала ледяным огнем – яростью собственника, чье имущество осквернили. Я заставил их обоих замолчать. Сейчас говорил только Эдгар. Или то, что от него осталось.

Я осторожно, двумя пальцами, взял одну из куриных тушек. Холод ее плоти был неестественным, могильным. Запах горя ударил в ноздри, вызвав спазм в горле. Я заставлю се-

бя. Я приготовлю из этого что-то. Я не знаю, что именно, но сам процесс, само действие станет моим ответом. Я не буду сражаться. Я подчинюсь. Но я сделаю это на своих условиях, с ножом и разделочной доской в руках. Это будет мой акт принятия, моя черная месса.

Я положил тушку на доску и взял свой самый острый нож. Лезвие из дамасской стали, мой верный спутник, казалось чужим и тяжелым в руке. Я занес его... и в этот момент над моей головой с сухим треском лопнула лампочка, осыпав стол и продукты мелкими, сверкающими осколками стекла. Я отшатнулся, инстинктивно прикрыв лицо рукой. Тьма на мгновение сгустилась, а затем помещение снова осветилось – зажглись резервные лампы, заливая сцену холодным, мертвенным светом.

– Черт побери...

Я посмотрел вверх. Проводка была новой, мистер Стерлинг уверял, что все системы жизнеобеспечения особняка были недавно проверены и модернизированы. Случайность. Просто случайность. Я стряхнул с себя оцепенение и попытался смахнуть осколки со стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.